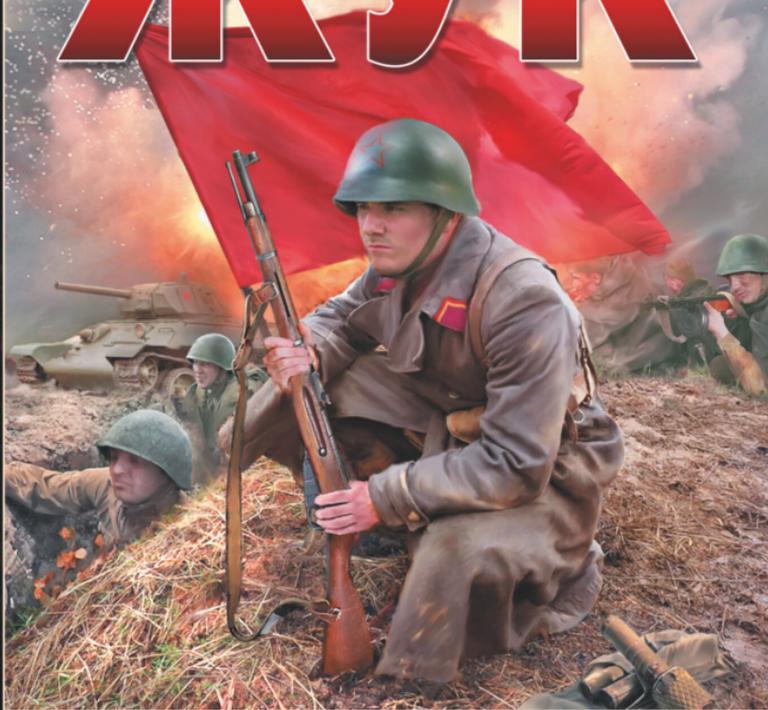

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

КРАСНЫЙ ЖУК

ЕВГЕНИЙ СУРМИН

Евгений Викторович Сурмин
Красный Жук
Серия «Военная боевая фантастика»

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65075662

Красный жук: роман / Евгений Сурмин: SelfPub; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149688-3

Аннотация

Они все – будущие бойцы специальной разведывательно-диверсионной бригады Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии. И Иван Жуков, с позывным Жук, теперь знает, для чего нужны были изнурительные тренировки и безжалостные требования инструкторов, прошедших Зимнюю войну и Халхин-Гол, для чего курсантам нужны умения зарываться в землю и владение подручными средствами в качестве оружия, а также множество других хитрых навыков.

А Командир их курсов – да, только так все называют начальника спецшколы – откуда-то знает, что ожидает их всех и страну в ближайшие 1940-е годы.

Содержание

Пролог	5
Начало	9
В двух шагах от Генштаба	37
Самая длинная ночь сержанта Жукова	52
Скучная лекция с картинками	71
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Евгений Сурмин

Красный жук

Автор выражает благодарность Дунаевской Виктории Васильевне и Макеевой Надежде Витальевне за неоценимую помощь в работе над этой книгой

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 21

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Евгений Сурмин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Михаил Ильич Кошкин проснулся от скрипа открывшейся двери. В палату, что-то весело насвистывая, вошёл его лечащий врач Александр Николаевич в сопровождении нескольких человек – судя по медицинским халатам и стетоскопам, тоже докторов – и медсестры Олечки.

– Ну-с, Михаил Ильич, как вы себя чувствуете?

– Знаете, доктор, кажется, лучше. По-моему, и температура спала, и дышать легче. – В опровержение своих слов Михаил Ильич закашлял, сплёвывая мокроту в тазик, стоящий рядом с кроватью. – Простите.

– Что вы, милейший, кашляйте на здоровье. Кашель – это, знаете ли, привилегия живых.

Александр Николаевич присел на табурет и с напускной строгостью посмотрел на больного:

– Так вот, Михаил Ильич, мы с коллегами снимки посмотрели, и могу ответственно заявить: кризис миновал. Организм с воспалением в лёгких справился, теперь полный покой и хороший уход, и через месяц, если мы вас совсем не залечим, будете как новенький. Итак, коллеги, приступим к осмотру.

Через полчаса тщательно осмотренный и напоенный микстурами главный конструктор КБ-520 осознал, что кризис действительно миновал. Впервые за последние недели

появилась ясность мысли, и стало чуть легче бороться за каждый глоток воздуха, преодолевая боль в мышцах спины и живота. Михаил Ильич снова откашлялся. Болезнь отступила из лёгких, но образно говоря, ещё крепко держала конструктора за горло.

«А ведь по краю прошёл. Надо бы найти того командира», – мысленно вернулся Михаил Ильич к событиям конца сентября 1939 года.

Он был в одной из московских командировок. В холле гостиницы «Москва» к нему подошёл военный и попросил уделить ему немного времени. Михаил, как всегда, торопился, в Кубинке в эти дни решалась судьба его опытных танков А-20 и А-32, но и отказать в такой малости человеку с орденом Ленина на кителе было бы неправильно.

В итоге, когда они устроились за угловым столиком подальше от любопытных глаз и ушей, военный передал Михаилу Ильичу два листа ватмана. На каждом листе было изображено по танку в трёх проекциях – явно любительские карандашные рисунки. Тем не менее они давали достаточное понимание конструктивных особенностей обеих машин.

Сказать, что Кошкин удивился, было бы все равно, что ничего не сказать: меньше всего он ожидал увидеть на рисунках почти «свои» танки. На первом листе был доработанный, но бесспорно узнаваемый его перспективный А-32. А на втором – танк с более массивной башней и, скорее всего, 85-миллиметровым орудием, но опять же с его, Кошки-

на, ходовой и корпусом. Таким мог стать танк следующего поколения, созданный на основе А-32.

– Откуда это у вас?

Командир, капитан-пехотинец, если судить по знакам различия, дотронулся указательным пальцем до своего виска.

– Михаил Ильич, я не буду спрашивать вас, верите ли вы в мистику, просто изложу факты, а потом поступайте, как сочтёте нужным. Я был тяжело ранен на Халхин-Голе, пережил клиническую смерть. А выходили меня монахи, то ли буддисты, то ли ещё кто. Уж не знаю, что они там накрутили в моей карме, но танк с маленькой башней я видел во сне. Не перебивайте, – командир предупреждающе поднял руку, – я расскажу и уйду, так будет быстрее, а вы потом сами решите, сумасшедший я или нет. Так вот, этот танк в следующем году под вашим руководством перегоняли из Харькова в Москву, чтобы набрать недостающий пробег и запустить машину в серию.

«Сумасшедший? Провокация? Чья-то злая шутка?» Кошкин смотрел в спокойные глаза капитана и не мог отделаться от желаний скосить взгляд на ватман. Второй танк с большой башней был красив и опасен. Опытному танкостроителю уже по обводам было ясно, что это будет удачная боевая машина.

– Вы меня не слушаете, Михаил Ильич.

– Что? Простите, задумался.

– Второй танк в моём сне называли Т-34-85, его сделают, кажется, в конце сорок второго. Но вы, к сожалению, в его

разработке принимать участие не будете.

– Почему?

– К тому времени вас не будет. Простудитесь при перегоне своих танков в Москву, подхватите воспаление лёгких и в следующем году умрёте. – Военный встал. – Поэтому, Михаил Ильич, поверите вы мне или нет, прошу, берегите себя. Механиков-танкистов всё-таки больше, чем главных конструкторов, а стране скоро понадобятся хорошие танки. Рисунки я вам оставляю. До свидания.

«А я даже его имени не спросил. А когда на обратном пути в Харьков танк, проломив лёд, ушёл в воду, ведь испугался, хотел со всеми броситься в реку, но перед глазами встал этот спокойный капитан. Испугался не столько умереть, сколько не принять участие в создании большебашенной „тридцать-четвёрки”. И всё равно еле выкарабкался».

Конструктор закашлял и, повернувшись на бок, сплюнул. Его взгляд скользнул по вчерашней, от 25 сентября 1940 года, газете, оставленной на низенькой тумбочке; не задержавшись на мелких буквах, переместился на начинающую желтеть зелень за окном. Конструктор откинулся на подушки, закрыл глаза и задремал.

Начало

Если вспоминать по порядку, всё началось с того, что комроты Валерий Потешкин сразу после праздника, 2 января 1941 года, в четверг, ошастливил Ивана Жукова направлением на курсы младших командиров. Сборы были недолгими, и через несколько дней Иван, младший сержант, ещё месяц назад бывший отделённым командиром 30-го стрелкового полка 64-й стрелковой дивизии 44-го стрелкового корпуса, обладатель значка «Ворошиловский стрелок», уже трясся в кузове грузовика, катившего по разбитой просёлочной дороге. Ехали колонной из восьми полуторок и здоровенного автобуса.

Автобус был примечательным от кончиков колёс до большой антенны на крыше. Первое, что бросалось в глаза, – это размеры: чудище, казалось, съело своего собрата и увеличилось вдвое (как потом оказалось, отчасти так и было). Второе – необычная раскраска посередине кузова с очень детальным рисунком: здоровенный медведь, закованный в стальные доспехи и обвешанный каким-то непонятным, но однозначно устрашающим оружием.

Медведь стоял на задних лапах и упоённо палил из чего-то здоровенного. После долгих споров парни решили, что это может быть или пулемёт, или ручная пушка, созданная не иначе как сумрачным гением где-то в секретной лабора-

тории. Косолапый был стопроцентно наш, рабоче-крестьянский, о чём недвусмысленно заявляли будёновка с красной звездой и балалайка. А его огневая мощь, пожалуй, превосходила новейший танк КВ. После недолгого спора коллектив единогласно решил, что амба тем буржуйам, которые по своей несусветной глупости попадут в Мишкин лес.

Часа в два, если судить по солнцу, колонна сделала остановку, чтобы размять ноги, и неожиданно получила сухпай. Сопровождающий капитан приказал обедать сидя в кузове, воду можно было взять в стоящей метрах в десяти от дороги бочке. Опытные и уже успевшие послужить бойцы приуныли: похоже, ехать придётся ещё долго. Конечно, ехать – это не идти, но однообразный лесной пейзаж и жёсткие лавки достали уже всех.

Сухпайки были, мягко говоря, необычные: по величине и качеству содержимого это были поистине королевские сухпайки. Да что там королевские – пайки, надо прямо сказать, были генеральские, не иначе! И всё это гастрономическое великолепие было приказано уничтожить на месте, в кузове грузовика, походя, под дружное чавканье десятка голодных ртов. А рот солдата по определению не может быть другим, когда сосед уплетает то же самое и некому удивлённо присвистнуть: «Ну ты, Вань, сила, ну ты добытчик!»

В какой-то момент, судя по зыркающим глазам, всем одновременно пришла одна и та же мысль: «Значить хотя бы шоколад!» Кто-то мечтал отослать младшим братьям и сёст-

рам, кто-то планировал обмен. И эта общая мысль, вероятно, достигла такой концентрации, что незамедлительно была перехвачена капитаном. Иначе как объяснить его голову, показавшуюся над бортом грузовика только для того, чтобы припечатать: «Съесть всё!»

Капитан не угрожал и не повышал тона, но какое-то время вдоль колонны были слышны только шелест разворачиваемых обёрток и непередаваемые стоны блаженства и сожаления о столь неэффективном использовании ценного ресурса.

Курсанты ошиблись: уже через полчаса стройная «коробка» ста слушателей кратких курсов усовершенствования сержантского состава стояла ровной шеренгой на плацу.

Плац. Если мозгом части можно назвать штаб, то плац, несомненно, её сердце. Тут встречаются и провожают, наказывают и награждают. С плаца уходят навсегда и возвращаются после недолгой разлуки.

Плац тоже был странный – не натоптанный, что ли. Каждый из курсантов не раз и сам стоял или маршировал в местах, подобных этому. И «сердце» этой части было немного другим, жило, подчиняясь другим законам, работало в другом ритме, неуловимо цепляющем своей чуждостью. Хотя спроси любого – и никто не смог бы ответить, чем этот плац отличается от десятков других, которые приходилось утюжить сапогами раньше. Аура? Может быть. Но слов, подобных этому, ещё нет в лексиконе жителей сороковых годов XX века. И уж точно нет в данной локации.

А потом про них просто забыли. Нет, началось-то всё как обычно. Капитан снял шинель, остался в гимнастёрке без знаков отличия, но с двумя красными поперечными полосами на рукавах и, улыбаясь чему-то своему, выдал речь:

– Товарищи бойцы! На данный момент вы все являетесь кандидатами в слушатели краткого курса усовершенствования сержантского состава. Преподавать дисциплины вам будут инструкторы – один красный шеврон на рукаве. И товарищи старшие инструкторы – два красных шеврона на рукаве. Слушай приказ! Равняйся! Смирно! Вольно! Сейчас начальник курсов освободится и подойдёт к вам.

На этом капитан или, точнее, инструктор счёл свою миссию выполненной и удалился. В зоне видимости будущих курсантов остались лишь два парня из хозобслужки, которые с видимой ленцой и долгими перерывами кололи дрова.

Через час-полтора стояния и перешёптываний почти одновременно произошло два события. Первое осталось незамеченным курсантами и заключалось в том, что Иван, чувствуя, как ноги стали подмерзать, начал притоптывать с пожеланием «да чтоб вам провалиться всем». А вот второе заметили все: на крыльцо вышла повариха. Ну а кем ещё могла быть румяная, пышная женщина лет сорока в застиранной гимнастёрке, фартуке и белом поварском колпаке?

Она что-то энергично выговорила двум оболтусам: слов слышно не было, но и без того было ясно, что расчихвостила их за нерадивость. Курсанты злорадно заулыбались, наблю-

дая за заметно ускорившимися топорами.

А затем повариха неожиданно направилась к будущим курсантам:

– Ой, родненькие, да шо же вы стоите туточки, айдате за мной, каша-то с маслом напрела уже.

– Нельзя, мать, приказ у нас, – ответил чернявый парень, запомнившийся Ивану спором у автобуса: чернявый убеждал всех, что такие пушки уже есть на секретных складах и он сам их видел и чуть ли не стрелял. Никто ему, конечно, не поверил, но парня Иван запомнил.

– Да сколько можно стоять, товарищи! Они там про нас забыли совсем! Идём сами к начальнику! Не царские порядки, чтоб солдат на морозе держать!

Кто это выкрикнул, Иван понял сразу. Курсант обращал на себя внимание и статью, и горевшим на груди орденом Красной Звезды. Высокий, но не длинный. Породистое лицо, прямой нос с чуть заметной горбинкой, волевой подбородок, чётко очерченные губы. Видно было, что в нём есть частичка восточной, возможно, грузинской крови, и оба родителя дали ему лучшее.

Старший сержант сразу располагал к себе, о таких говорят «рубаха-парень, свой в доску». В автобусе ехало несколько орденосцев, но за короткую поездку он уже стал душой компании и их несомненным лидером. Даже голосом природа наделила его со всей щедростью: густой баритон необыкновенного оттенка запоминался с первого раза.

Иван не удивился: шёпоток недовольства уже некоторое время ходил по правому флангу, креп, переходя от бойца к бойцу.

– Айда, братцы! Найдём начальство, они там кашу трескают, а мы мёрзнем!

Слова поварихи, как катализатор, усилили недовольство, переведя скрытое бурчание в действие. На правом фланге красавец старший сержант решительно сломал строй, и, не оглядываясь, двинул к входу в аккуратное каменное двухэтажное здание, напротив которого и были выстроены прибывшие. За ним устремились с десятков человек из числа стоявших там же.

Кашу, как же. Шоколад! Вот что они там трескают! Тело обладателя значка «Ворошиловский стрелок» дёрнулось и замерло. В мозгу щёлкнуло: «Шоколад». И побежали образы, сменяющие друг друга: вот они находят плитки у себя в пайках, а ведь шоколад выдают подводникам в море! Радостные, не верящие своему счастью... Капитан, накормивший их за десять минут до приезда, снова капитан, который уже инструктор, «Слушай приказ! Смирно!» Непонятно как оказавшаяся в этом ряду рожа бывшего соседа по коммуналке Яшки Рябого. «Вписка! Вписка!» – непонятно к чему верещала Яшкина рожа.

Появился Яшка из ниоткуда, показал бумагу на вселение и занял бывшую комнату деда Игната. Называл он себя Яшка Фартовый и был кумиром местной шпаны, пока однажды

ему не навалили его же дружки. Иван тогда мало что понял из их объяснений про воровскую честь и понятия, но вышло так, что врать тому, с кем живёшь, нехорошо, и никакой он не фартовый вор, а так, мальчик принеси-подай. А почему Рябой, так это скажет каждый, взглянув на Яшкино побитое оспинами лицо. Вскоре он пропал, но, будучи ещё в статусе кумира, успел рассказать малолетней пацанве про вписку. В переводе на человеческий язык это испытание, которое устраивается новоприбывшим.

«То есть вовсе про нас не забыли, а очень даже заранее покормили, чтобы мы постояли несколько часов на несильном морозце», – наконец оформились в Ивановой голове беспорядочные образы.

Ощувив себя если не гигантом мысли и отцом русской демократии, то бдительным разведчиком, разгадавшим коварные планы супостата, младший сержант даже расправил плечи и только сейчас заметил, что последние фигурки решивших идти разбираться скрылись в доме. Иван почувствовал укол совести: как-то не по-комсомольски это – не предупредить ребят. Но предупреждать уже было некого: оппозиция скрылась, а стоящие рядом товарищи не выражали намерения куда-то идти.

Стоять стало значительно легче, и сержант занялся подсчётом, сколько же им осталось тут торчать. Повариха незаметно ушла, забрав с собой кольчииков дров. Парни дружно топали, и эти глухие звуки даже создавали некий уют. По

всему выходило, что время к четырём часам; в январе темнеет быстро, значит, накинём час, ну максимум два. Нужно же ещё всех оформить, развести по казармам, выдать вещевое, накормить, в идеале и баньку бы. А чего б и не пометать после шоколада? Губы Ивана непроизвольно растягивались в довольную улыбку.

Наивный рязанский парень Иван Жуков ещё не знал, что к концу первой недели курсанты с чьей-то лёгкой руки назовут это место коптильней.

Пока младший сержант Жуков предавался мечтам и ждал милостей от природы, старший сержант Пётр Даданин двинулся ковать своё счастье в кабинете начальника курсов. Нужно сказать, старший сержант был прекрасным младшим командиром – смелым, инициативным, заботящимся о своих подчинённых и, более того, неплохим учителем. Отделение под его командованием было прекрасно подготовленным, спаянным коллективом.

Орден он получил за личную храбрость в Польше. В районе городка Шацка на КП одного из батальонов 52-й СД неожиданно выскочила группа польских военных, ещё продолжающих бои с частями Красной армии. Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон, численное преимущество было за поляками, дело могло обернуться скверно, но красноармеец Даданин, первым оценив обстановку, прижал поляков пулемётным огнём. Штабисты успели вооружиться

и залечь. Понимая, что время на стороне Советов, польская группа предпочла отступить. Кроме Звезды пулемётчик получил ефрейторскую полосу на петлицы и репутацию смелого, грамотного бойца.

И сейчас им двигало чувство справедливости и забота о других бойцах, которых он в силу характера уже включил в группу своих подчинённых. Получив шикарный паёк и простояв на плацу больше часа, Пётр сделал выводы, разительно отличавшиеся от Ивановых. Обласканный любовью не только подчинённых, но и девушек (из-за которых он, собственно, сюда и попал), пользующийся заслуженным уважением командиров части старший сержант, орденосец и харизматичный лидер (а Пётр Даданин был именно таким), он не мог и подумать, что для зачисления недостаточно одного его, Петра, желания.

Вывод очевиден: командиры зажрались! Непонятно каким образом они пробили такой паёк бойцам, но, выходит, сами жируют, краёв не видя. Да взять хотя бы новую, с иголочки, зимнюю форму, которую им выдали в месте сбора. Начальник курсов наверняка попал сюда по блату, он и договорился, чтоб к нему прислали уже опытных, понюхавших службу сержантов, которых и учить-то ничему не надо. А сам сейчас жрёт и запивает, какое ему дело до ста командиров РККА, пусть и младших, стоящих болванчиками на морозе?

– Где начальство?

Увиденное только подтвердило правоту сержанта: разва-

лившийся на стуле боец был просто ходячим воплощением нерадивости. В другое время Даданин не оставил бы такое без внимания. Но сейчас он уже поднимался вверх по лестнице, следуя жесту бойца. Прыгая через две ступеньки, за вожакom устремилась дюжина бойцов.

«Я им покажу, я им устрою тут богадельню! – Мысли в голове Петра проносились так же быстро, как сам он нёсся по лестнице. – Я кандидат в члены партии, разве я имею права закрывать глаза?! А они тут хорошо устроились, от начальства далеко, катаются как сыр в масле! Точно, засел старый хрыч из тех, что ещё по гражданской товарища Будённого знают. Нет, их так просто не сковырнёшь, связываться себе дороже выйдет, – промелькнула подленькая малодушная мысль. – А когда коммунисты боялись трудностей?! Царя свергли, а этих не сможешь? Врёшь! Если потребуются, я до самого товарища Жданова дойду. Андрей Александрович их в бараний рог согнёт!»

С такими мыслями орденоносец Даданин распахнул приоткрытую дверь, ввалился в кабинет, набрал побольше воздуха и... замер.

Испугаетесь ли вы тигра, увидев его в нескольких метрах от себя? А если он вальяжно расположился в кресле и не собирается на вас нападать? Всё равно испугаетесь?

Человек в кресле поднял глаза, и старший сержант встретился с ним взглядом. Обычные глаза уставшего человека с красными от недосыпания прожилками не пугали, не хмури-

лись, не выказывали недовольство. Тем не менее доброжелательное «Что-то хотели, товарищи сержанты?» прозвучало для сержанта набатом тревожного колокола.

Как известно, выживаемость индивида зависит от того, насколько успешно реализуется принцип «бей или беги». Перепутал разок – и накопленные тобой ресурсы меняют собственника, а в крайнем случае твой уникальный генетический набор напрямую усваивает более успешная особь.

Сержант, непроизвольно принявший стойку смиренно, почувствовал, как зашевелились волосы и загорелось лицо, а слова застряли в пересохшем рту. Вся генетическая память, успешно проведшая его предков по лабиринту войн и природных катаклизмов, кричала о том, что перед ним хищник более свирепый и сильный, чем он сам. Человек, сидящий в кабинете, мог убить с такой же лёгкостью, как старший сержант мог вlepить внеочередной наряд рядовому Абдулбекову.

Хозяин кабинета перевёл взгляд на бумаги, лежащие на столе. Наваждение пропало, впрочем, как и желание скандалить. Даданин, не успевший разобраться в своих ощущениях, был подвинут плечом. Безликая толпа сержантов колыхнулась и выдвинула на передний край бойкого одессита, сержанта Карамушина.

– Мы тут это, тащ камандир, стоим, мёрзнем, – бойкой скороговоркой отчеканил Карамушин, пришедший на помощь своему отчего-то замявшемуся товарищу.

– Заработался, товарищи сержанты, – как бы даже с нотками извинения проговорил хозяин кабинета, постучав кончиками пальцев по тонкой бумажной папке, лежащей на столе. – Сейчас исправим. Эй, кто есть тут?

– Иду! – ответили почти сразу откуда-то из глубины дома.

Через несколько секунд, поразительно ловко протолкавшись сквозь сбившихся на пороге сержантов, появился боец.

«Номер два», – отметил старший сержант Даданин, чувствуя явный дискомфорт. Расхлябанность и замызганность гимнастёрки бойца не укладывалась в ряд с только что пережитым стрессом. Подсознание кричало о несоответствии, мысли металась по кругу, пытаясь локализовать раздражитель и принять какое-то решение.

– Андрей, отведи товарищей сержантов на кухню, ну, ты и сам знаешь, как обычно.

– Сделаем, Командир. Прошу за мной, товарищи.

Запущенный механизм «беги» накачал кровь Петра катехоламинами – адреналином и норадреналином. Гормоны перевели организм сержанта в боевое состояние и требовали немедленных действий, между тем как рассудочная деятельность мозга тормозила эти процессы. Сержант не мог вернуться в кабинет, не мог он и убежать, бросив группу. На какое-то время наступило шаткое равновесие. При других обстоятельствах привычка к самоконтролю и дисциплине взяла бы вверх, организм без последствий вывел бы излишек гормонов.

Сейчас Пётр усиленно убеждал себя, что у него просто запершило в горле, а наглый одессит, воспользовавшись моментом, сделал заявку на лидерство. Заложенный самой природой инстинкт альфа-самца, чей статус оспаривается, мгновенно выдал жертву для демонстративного наказания: грязная гимнастёрка сопровождавшего их бойца по имени Андрей маячила практически под носом.

– Красноармеец, стой! Смирно!

Гимнастёрка прошагала ещё метра три, прежде чем остановиться. «Точно деревенский неотёсанный чурбан», – усмехнулся про себя старший сержант.

Распекать бойца было одно удовольствие: тот мялся, краснел, отводил глаза. Лепетал что-то насчёт автобуса, у которого вечно всё ломается. А голос сержанта гремел как дивизион гаубичной артиллерии, и с каждым новым выстрелом из сержанта уходил страх, возвращалось чувство собственной значимости, уверенность.

По мере уменьшения катехоламинов в крови сержанта увеличивалось содержание другого гормона – грелина¹. В какой-то момент Пётр понял, что распекать неопрятного бойца ему неинтересно, а хочется есть, а точнее, жрать! Какой бы ни был сытный паёк, но после стояния на морозе и последующего за этим стресса молодому сильному организму

¹ Грелин, гормон голода, выбрасывается из секретирующих его клеток, если желудок пуст, и его производство прекращается, если желудок полон. – *Здесь и далее примеч. авт.*

требовалось пополнить энергию.

– Чего стоишь как пень?! Тебе сказано отвести нас в столовую – так веди! И немедленно приведи форму в порядок. Поем – проверю, – закончил выволочку подобревший сержант.

На улицу вывалились гурьбой, с шутками и смехом.

– Ребята, мы в столовую! Не зевай, айда с нами! – кричал непоседливый одессит.

И его воззвание к русским сержантам не осталось без последствий: сразу три фигурки покинули строй и устремились к домику кухни. Строй скрипнул зубами и промолчал, торопящаяся в столовую толпа заулюлюкала и закричала. Смельчаков встретили как героев, подбрасывая головные уборы.

А потом был то ли поздний обед, то ли ранний ужин; впрочем, молодым здоровым мужчинам было без разницы. Гречневая каша на мясе, соленья, белый хлеб и всё это – бери сколько влезет и приходи за добавкой, если осилишь. «Жратва тут, точно, мировая», – витала под потолком не высказанная вслух коллективная мысль.

Пётр сидел, немного откинувшись на спинку стула. Было хорошо и лениво, голоса товарищей слились в монотонный гул и звучали где-то на периферии, не затрагивая сознание. Добротные бревенчатые стены, массивная мебель – видно, что всё было сделано надёжно и даже красиво. «Как у купчины какой», – подумал Пётр, и тут же взгляд, опровергая его рассуждения, зацепился за яркие слова, шедшие по стене

почти под самым потолком.

Сержант стряхнул с себя дрёму и наконец осознал, на что тарашится последние несколько минут. «Тесное взаимодействие всех родов войск – залог успеха современного боя!» «Мысль настолько же верная, насколько и очевидная», – сказал себе Пётр. Уж кто-кто, а он точно знает: этим тезисом начинается вторая глава полевого устава РККА тридцать девятого года.

Но поразил его, конечно, не лозунг, а изображение под ним. Вернее, вся стена была картиной, настолько необычной, настолько не соответствующей этому купеческому интерьеру, что парни за столом просто не обращали на неё внимания, занятые поглощением пищи.

Сидящие рядом бойцы удивились бы, но Пётр достаточно хорошо разобрался в живописи. Врождённое чувство гармонии, а потом и целенаправленный интерес сделали его знатоком в мире искусства. Приехав в Ленинград из маленького грузинского городка, он был поражён и очарован архитектурой и музеями этого города. Посещение художественных галерей и полуподвальных выставок молодых питерских авторов дало необычный бонус: застенчивый юноша преобращался, начиная рассказывать о стилях и направлениях, и очень легко заводил знакомства.

Неудивительно, что очень скоро застенчивый юноша исчез, а появился уверенный в себе молодой мужчина, осо-

знающий свою красоту и с лёгкостью разбивающий женские сердца. Будучи воспитанным бабушкой в строгости, Пётр не позволял себе обнадёживать девушек и что-то им обещать. Благодаря его принципиальной позиции по матримониальному вопросу разбитых сердец было умеренно. Но внешность, весёлый характер и готовность девушек довольствоваться малым заставили его очень скоро съехать из общежития в съёмную комнату.

В общем-то, здесь Пётр и оказался из-за двух девушек, узнавших о существовании друг друга. А если быть математически точным, из-за папы одной из девушек, служившего в штабе Ленинградского военного округа. Папа хотел крови, мама и дочка хотели свадьбу. Чего хотел «жених», мало волновало заинтересованные стороны. Но, проявив солдатскую смекалку и должное упорство, старший сержант сумел взять тайм-аут.

«Вот ведь, весной отказался поступать в Киевское училище, не хотел уезжать из города, а сейчас я в каком-то лесу, в деревянной избе, и что я вижу? Новое направление живописи? И как это назвать? Анимационный надреализм? А ведь на автобусе рисунок в той же манере, совсем не похожей ни на мировые тенденции, ни на советский путь. Выпуклость образа, проработка деталей, перспектива и даже освещение, органично вписанное в картину... Решительно, сейчас так не пишут. А сюжет!»

Не успел сержант додумать свою мысль, как дверь в сто-

ловую распахнулась, и на пороге появился щуплый сержант с каким-то заострённым лицом. «Детдомовец, голодал», – произвольно отметил Даданин.

Новый боец точно не страдал застенчивостью.

– Не ждали?! А я пришёл! – с порога выдал он и метнулся к раздаче. На подносе в мгновение ока оказались две тарелки с кашей, гора хлеба, три стакана компота. – Здорово, кентуха! Двинь мослами, дай место будущему маршалу, – не стал утруждать себя поиском свободного места щуплый сержант.

– Гы, гы. Если маршалу... Давай посунемся, хлопцы, тут маршал оголодав трохи, – пробасил добродушный младший сержант квадратного телосложения.

Этот улыбчивый белорус вызвал бы жгучую зависть у культуристов века следующего: при любом движении его мускулы перекатывались волнами, грозя порвать гимнастёрку, а голубые глаза и пшеничные волосы, обрамляющие классическое славянское лицо, позволили бы ему играть древнерусских богатырей без всяких кинопроб.

– Я Колян Задира! – плюхнулся на освобождённое место сержант, бережно ставя поднос на стол.

– Василь, из Пинска.

– А где этот твой Пинск? – Каша с первой тарелки исчезала с удручающей скоростью. Казалось, она испаряется с ложки, не успев коснуться рта.

– В Белоруссии. Значит, как от Минска...

– Василь, это ж мировая жратва! – перебил его Николай. –

Надо узнать, можно ли тут остаться!

– Слухай, Коль, а тебя что-нибудь окромя еды интересует? У тебя ж столько не улезет, – опять мешая русские слова с белорусскими, поразился Василий.

– В детстве я плохо кушал, навёрстываю, – рассмеялся Николай. – Доктора разобратся не могут: то ли аппетиту не было, то ли жратвы.

– Подратся любишь, значит? – спросил щуплого сержанта сосед слева.

Несколько голов заинтересованно повернулось в их сторону. Николай приосанился и набрал побольше воздуха для обстоятельного ответа. Ему нравилось быть центром внимания, ловить на себе взгляды, ловко отбивать словесные выпады, самому находить едкие слова, вгоняющие оппонента в смущение, а порой и в бешенство.

Увы для Николая, он был задвинут на задворки внимания одной лишь фразой, донёсшейся со стороны кухни:

– Ребятки, а кому блинчиков со сметаной? С пылу с жару! Кому? – произнесла повариха, держащая на вытянутых руках большое блюдо с горой ещё исходящих паром блинов.

Общий вздох-стон прокатился над столами. Даже издали блинчики наполняли помещение непередаваемым ароматом домашнего уюта. Два парня, коловшие недавно дрова во дворе, принесли бидон и целую россыпь стеклянных банок с вареньем. Под прожигающие взгляды пятнадцати пар глаз не спеша поставили банки на стол, помогли поварихе устано-

вить башню из блинов и с чувством выполненного долга сцапали по два верхних блина. Так же неторопливо, культурно – ложечками – парни намазали блины вареньем.

– Клубника! – выдохнул-выкрикнул высокий светлый младший сержант, сидящий ближе других к столу с банками.

– Мне! Мне наложь! – опережая других, пружиной выскочил Николай.

– Да как в тебя лезет-то? – Бойкий одессит решал для себя важнейшую стратегическую задачу: сможет ли он впихнуть в себя хотя бы один блин. Судя по скрестившимся на Николае взглядам остальных сержантов, заданный одесситом вопрос интересовал всех.

– Ты што, блинов никогда не ев? – подколот его квадратный сосед.

– Ел, конечно! К нам в детдом шефы в тридцать втором приезжали, праздник на масленицу устроили. Всем, даже самой мелюзге по блину досталось. Только без клубники: с клубникой в Котласе тяжело.

Василь густо покраснел и уткнулся в тарелку. Представить человека, евшего блины раз в жизни, он не мог. Но смеяться над прожорливостью мелкого товарища расхотелось.

Глядя на шебутного сержанта, остальные командиры смогли найти в себе силы дать последний бой армии блинов и быстро организовали атаку с флангов.

«И чего расшумелись? Блинов, что ли, не ели?» – подумал Пётр, отодвигая массивный стул. Кроме него только их со-

провожающий Андрей не проявил интереса к еде и сейчас о чём-то шушукался со своими друзьями.

Впрочем, и Андрей, и блины вылетели у Петра из головы, стоило ему подойти к расписанной стене. Да, он видел панораму «Бородинская битва» в Москве, которая превосходила масштабами эту кухонную роспись раз в сто, но то Москва, а тут, в богом забытом месте, в какой-то солдатской столовой...

За стеной столовая превращалась в какую-то сказочную таверну. Перспектива и освещение мастерски открывали ещё одну залу с геральдическими щитами и чучелами зверей, развешанными по стенам. Вделанные в нарисованные светильники осколки зеркала мерцали, наполняя рисунок мягкой магией.

Но больше всего Петра заинтересовали два персонажа на переднем плане, сидящие под щитом с лозунгом о необходимости взаимодействия всех родов войск.

Слева за столом, с деревянной кружкой в лапе, сидела белка. Если, конечно, можно назвать белкой существо ростом с человека, вертикальными зрачками и седой гривой. Одета в кожаную куртку со шнуровкой у горла, с крестовиной меча за плечом, прорисованная в мельчайших деталях, она, казалось, сейчас поднимет кружку и закричит: «Хозяин, повторить! И блинов нам неси!»

Белочкина подруга, сидящая справа, была, пожалуй, ещё более экзотична. Начать с того, что бокал красного вина она

держала хвостом. Многометровая змея кольцами свилась за столом. Раздвоенный язык, огромный капюшон. Но больше всего Петра поразили очки: обычные круглые чёрные очки придавали ей какой-то нереальный, мистический образ. Художнику хватило фантазии представить чародейку в образе гигантской змеи, облачённой в чёрно-белые кожаные доспехи, отдалённо напоминающие Петру танковые траки с вычурным узором. В довершение образа одним из своих колец змея сжимала, как пушинку, здоровенный боевой посох, расписанный под хохлому.

– Ты гляди, какая змеюка! Вылитая моя тёща, та ещё вед- зьма! – раздалось сбоку.

Пётр так увлёкся, что не заметил подошедшего товарища. «Сейчас здесь будет столпотворение, как у медведя», – понял он. Парни уже вставали, один Задира молотил блины, как новомодная машина комбайн.

Слова Василя неприятно кольнули Петра, словно разрушилась некая интимная магия, связывающая его с той стороной. словно, разглядывая рисунок, они будут делить с ним то, что он уже посчитал полностью своим. Резко захотелось курить и побыть одному. «Чёрт с ним, найду ещё», – подумал Даданин о художнике и в одной гимнастёрке выскочил за дверь, которую указал им Андрей.

Проскочив двух бойцов с автоматами, Пётр затянулся папиросой и осмотрелся. Место ему не понравилось и вызывало подсознательное чувство тревоги. Участок двора был ого-

рожен колючей проволокой, формируя длинный узкий прямоугольник. Начинаясь от крыльца, он заканчивался закрытыми воротами, отсекающими воинскую часть от внешнего мира. Автоматчики у ворот придавали месту зловещий оттенок.

«А куда идти-то?» – подумал Пётр. Глаза цепляли их автобус, отбрасывающий длинную тень, да с десятков лавочек по обе стороны от дороги. Внутренний дворик походил на какой-то отстойник для заключённых, а автоматчики – на конвой. Стоять тут было решительно незачем, да и холодно в одной гимнастёрке. «Этот валенок что-то напутал», – подумал Пётр и, зло отбросив окурок, двинулся в сторону крыльца.

– Стой!

Автомат был направлен в сторону старшего сержанта, а бойцы, в которых Пётр опознал кольчиков дров, перестали напоминать деревенских увальней. «А они воевали, – пронеслось в голове Петра. – Вон как зыркают, волчары». По спине пробежал холодок нехорошего предчувствия.

– Товарищи, вы же видели, я только что вышел. Ваш начальник сказал этому Андрею накормить нас, и вообще... – Пётр поймал себя на заискивающем, оправдательном тоне.

«Да кто они?» – заметалась мысль. Маска хозоб-слуги осталась там, в такой мирной, хорошо протопленной столовой с блинами и улыбчивой поварихой. А тут, во дворе, его держали под прицелом два тёртых бойца с холодными, внимательными взглядами хищников. Такой взгляд он встречал

в Польше у командира разведбатальона дивизии.

– Накормили? – усмехнулся автоматчик.

– Да.

– Ну вот. Если в эту дверь вышел, значит, не приняли. Раз не приняли, ходу на территорию части нет, – приподняв палец, совершенно без акцента сказал узкоглазый боец с лунообразным улыбочивым лицом.

– Товарищи, как же так, у меня шинель там!..

– Вынесут.

– Да нет! Вы не поняли, товарищи, я просто покурить вышел, мне назад нужно. Видите, я без шинели, я покурить! – выставив перед собой коробок спичек и пачку «Казбека», зачастил Пётр.

– Стой, где стоишь, сержант. Или устав караульной службы забыл? – усмехнулся первый часовой.

От этого фамильярного пренебрежительного «сержант» Петра бросило в жар. «Издеваются, суки!»

Гнев толкнул его к автоматчику:

– Я старший сержант! Понял?! Ты! Старший сержант! Пока ты тут! Я в Польше! Понял?!

Навалившись грудью на автомат, Пётр схватил бойца за отвороты шинели. Искажённое восприятие сержанта сфокусировалось на препятствии, не дающем войти в эту чёртову дверь. Риск получить пулю в упор или удар прикладом от второго бойца отступил перед неосознанной необходимостью переложить вину на других.

Два хищника, оскалась и давя друг друга взглядами, сцепились и замерли, как сжатые пружины. Момент, когда часовой освободился от захвата и зафиксировал его шею, Пётр пропустил. Часовой притянул Петра к себе так, что они упёрлись лбами, и заглянул в глаза. «Это не волк, это змей», – подумал Пётр. Взгляд часового ввинчивался в мозг, давя гнев, а вместе с тем и желание драться.

– Польша, гришшь, а сейчас тарелка каши важнее приказа стала, – вбивая каждое слово в Петра, прошипел часовой. И резко освободил захват.

Пётр, непроизвольно упиравшийся в его грудь, соскользнул на ступеньку вниз. Из него словно выдернули стержень: старший сержант побледнел, ссутулился. Развернулся и, шатаясь, словно залпом вмазал двести граммов водки на голодный желудок, побрёл к автобусу.

«Позор. Господи, какой позор...» Разум больше не мог дистанцироваться от всех фактов и фактиков. Перед глазами один за другим пронесли сначала капитан, назвавший их кандидатами в курсанты, а затем хозяин кабинета с усталыми глазами и грацией леопарда, который назвал их уже не курсантами, а сержантами. Свою судьбу они решили ещё тогда, ввалившись в кабинет требовать пайку.

Шоколад, воры, жаловаться Жданову... Господи, какой он идиот... Да никто про них не забыл, тут, вообще, похоже, ничего не забывают. Проверjali, ждали, кто бросит строй. И повариха эта: «Ребятки, кашка». А он баран. Баран! Бежали

пожрать, как будто неделю не ели, радовались, какие самые умные, других звали.

«А они ведь и сейчас там стоят, – пронзила Петра мысль. – Стоят. Ждут. Приказ. Те там ждут, а эти за мной сейчас выскочат!» К горлу подкатил ком, стало трудно дышать. Пётр рванул ворот гимнастёрки, не замечая скрывающуюся в снегу пуговицу.

Он вдруг снова почувствовал себя тринадцатилетним подростком, плачущим над телом своего первого друга. Пёс по кличке Малыш был старше Петра на год. С того момента, как мальчик начал ходить, он стал его телохранителем и верным спутником. Тогда его накрыло чувство непоправимой утраты, и он разрыдался. Его мудрая любимая бабушка присела рядом, погладила по голове: «Не плачь, дорогой. Пусть не по закону, но по крови ты князь Дадиани. Дадиани не плачут».

Потерянный сержант безучастно смотрел, как во двор выскакивают ещё весёлые парни, как чернявый сержант из Одессы несёт ему шинель. Как останавливается в шаге, растерянно оглядывает Даданина, что-то спрашивает.

Двор затихает. Умолкают смешки. Пытаясь осмыслить рубленые фразы часовых, парни переглядываются. Одессит осторожно кладёт шинель на лавочку и отходит к своим.

– Як гэта назад у частку? Як не прыдатныя? Што я дома скажу, братанам, баці? Што Васіль не прыдатны? Прыдатны

я! Пусці! Пусці, кажу!²

Обстоятельный белорус танком двинул на автоматчиков, от волнения полностью перейдя на привычный говор. Продолжая метафоры, можно сказать, что в ответ ему прилетело из крупного калибра. Василь слетел с крыльца и уткнулся в снег, освобождая желудок.

– О следующего не буду приклад марать, а прострелю колено и поеду в отпуск. Всем ясно? Сейчас придёт шофёр, отвезёт вас на железнодорожную станцию, оттуда по своим частям. Другой дороги у вас нет!

– И долго его ждать? – глядя исподлобья, спросил рослый шатен с перебитым носом.

– Боксёр, что ли?

– Ну, боксёр.

– Ну, боксёр, – передразнил его второй часовой, – жди. Обычно он в автобусе сидит. Но ваш красавчик, – кивок в сторону Петра, – его же послал по уставу форму найти. Так что присаживайтесь на скамеечки, ножки не утруждайте.

– Ещё третьи петухи не прокричат, обернётся Андрей красным молодцем, – заржал часовой, сбивший белоруса с крыльца.

– Убью! Сука!

Стоящий в дверном проёме Задира отбросил недоеденный блин и бросился вперёд. Проскочив часовых, он на-

² Как это назад в часть? Как не годный? Что я дома скажу братанам, бате? Что Василь не годен? Годен я! Пусти! Пусти, говорю!

бросился на так и не вышедшего из оцепенения Петра. За несколько секунд он повалил его на землю и начал избивать, беспорядочно молотя руками по лицу. Прежде чем его оттащили, лицо старшего сержанта успело превратиться в говяжью отбивную.

Щуплый сержант оказался на удивление сильным: только вчетвером его удалось оттащить от жертвы. Оправдывая свою кличку, Задира продолжал вырываться, оглашая дворик концентрированной смесью мата, проклятий и угроз.

– Хорош блажить, парень, не на паперти, – отрезал поток брани уверенный властный голос.

На груди выскочившего в одной гимнастёрке капитана было два – два! – ордена Красного Знамени. Сержанты, не веря своим глазам, узнали в нём своего сопровождающего Андрея.

Одной фразой успокоив Задиру, капитан подскочил к Петру и аккуратно пробежал пальцами по его лицу.

– Нос вроде не сломан. Так, этого в санчасть, второго на губу. Григоренко! Григоренко, мать вашу! Не часть, а бордель.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться! Нет у нас губы-то. – Часовой вытянулся в струнку, всем своим видом показывая рвение.

– Организуйте, обалдуи. Так, Григоренко, быстро сажай остальных, – кивок в сторону ворот, – и вези на железку. Личные дела видел? Я на стол бросил. Видел – молодец. По

пути разъяснишь политику партии, и пусть радуются. Я к командиру. А с вами я позже поговорю.

Вид застывших соляными столбами автоматчиков давал основание думать, что ничего хорошего для себя они от этого разговора не ждут.

– Хрен ли застыли целками! Тащите его, морда уже как у утопленника. Этот блаженный пусть помогает.

Капитан так же внезапно, как появился, скрылся за дверью, ведущей в столовую, не забыв на прощанье погрозить кулаком часовым.

Пётр всё же смог подняться с помощью луноликого часового и поковылял к крыльцу, опираясь на него. Вторая пара двигалась плечом к плечу и запросто сошла бы за приятелей.

– Эх, боец, вот что с тобой делать? Может шлёпнуть, а?

– Да что вы такое говорите, товарищ начальник? Капитан сказал отдыхать, значит, отдыхать, – оскалился в ответ Николай.

Поникшие сержанты, так и не ставшие курсантами, грузились в автобус под крики и ругань злющего Григоренко.

В двух шагах от Генштаба

– Командир, можно? У нас драка, два сержанта перед автобусом сцепились.

Оторвавшись от бумаг, хозяин кабинета посмотрел на часы, висевшие на противоположной стене, перевёл взгляд на замершего у дверей капитана, прилагавшего усилия, чтоб не вытннуться во фронт, и вздохнул.

– Кто?

– Да старший сержант, статный такой, вроде Петром зовут, и щуплый, проглот, но у того даже позывной Задира. В столовой, может, не поделили что...

Договорить хозяин кабинета капитану не дал, звонко впечатав личные дела в стол.

– Старший сержант Даданин Пётр Михайлович – отличный командир, орденосец, многочисленные поощрения, опыт Польской кампании. Плюс разбирается в живописи и даже немного рисует. Сержант Задира Николай Владимирович – детдомовец. Нашли в возрасте восьми лет при осмотре вагонов на станции Котласа, это город такой в Архангельской области. Умирал от недоедания. После лечения распределён в детдом. Неудачно. В тридцать седьмом директора и половину воспитателей посадили за воровство. Куча дисциплинарных взысканий, конфликтен. Хочешь знать, как у нас оказался? А я скажу. Выявили явную склонность к языкам.

Немецкий и английский на весьма высоком уровне за три месяца. Ты понимаешь?

И вот теперь скажи мне, Андрей, какая связь между тем, что старший сержант распёк какого-то обормота в коридоре, и этой дракой? – Голос командира упал почти до шёпота. Откинувшись на спинку стула, он прикрыл глаза и замер.

Сам бывший детдомовец, капитан Октябрьский почувствовал, как загораются кончики ушей от понимания, что желание немного проучить самодовольного сержанта обернулось очень скверными последствиями.

– Виноват, Командир. Попросил Чингиза и Казака поизображать часовых и помариновать их с часик в тупичке, рассказать им, кто они есть в свете мировой революции. Ну и выйти по уставу, как хотели... – Андрей неопределённо повёл рукой по гимнастёрке от орденов куда-то вниз. – Но драка, вообще...

Командир открыл глаза и посмотрел на Андрея, заставив того замолчать на середине фразы.

– Хорошо тут, да? Вольготно. Хотим – боевой учёбой занимаемся, хотим – курсантов разыгрываем. Обиделся он, как же: сержант капитану выволочку устраивает! А он знает, что ты капитан?! Знает про твои ордена, про десятки успешных операций?! Про то, как мы финнов по болотам уводили, знает?

Голос Командира не повышался, и это было очень плохим признаком. И так готовый провалиться сквозь землю Андрей

пытался понять степень недовольства своего начальника.

Выросшему сиротой капитану боевое братство их не совсем обычной части буквально заменило семью. И безусловно, патриархом, вставшим во главе рода, был Командир. Зная его с Халхин-Гола, Андрей давно выделил две реакции на ошибки подчинённых.

Первая и наиболее частая реакция на неизбежные ошибки в обучении, на что-то разломанное или перепутанное – это грозный рык с применением идиоматических выражений и лексических конструкций, с различной степенью точности описывающих умственные способности провинившегося. Персонифицированный мат Командир в общении с подчинёнными не использовал категорически. Наказание за такие проступки было практически стандартным: копать, бегать, отжиматься, но в сотнях вариаций. Например, провинившийся мог бежать один с винтовкой за спиной, а мог и в составе своего отделения с полной выкладкой и преодолением водных преград.

А вот вторая реакция предназначалась как раз для своих, для того, кто своим поступком позволил Командиру усомниться в надёжности и преданности. И тогда Командир говорил именно так: не повышая голос, мягко, проникновенно. И наказание было под стать. Порой достаточно было просто объяснить человеку, в чём он не прав и как сильно подвёл остальных. Нередко добавлялись те или иные способы общественного порицания, в исключительных случаях – крайне

изошрённые, от которых провинившийся готов был сгореть от стыда и предпочёл бы лично перекопать линию Сталина вдоль.

Вот и сейчас в желании Андрея немного проучить старшего сержанта Командир увидел нечто гораздо более серьёзное.

– А как он, по-твоему, должен реагировать на раздолбая в какой-то хламиде задрипанной, а? Сам бы ты как, мимо прошёл? Как я могу на вас дело оставить, если вы тут такой цирк вытворяете?

Командир достал очередную папку, для разнообразия достаточно пухлую.

– Вот, ты не в курсе, я тебе скажу: план по 76-миллиметровым бронебойным снарядам, если считать с тридцать шестого года, выполнен на двадцать один процент. Двадцать один! Я уже год бьюсь лбом во все двери. У многих в голове засела мысль, что немецким танкам хватит 45-миллиметрового снаряда, связываться с трудоёмким 76-миллиметровым не хотят. Да, на «единичку»³ хватит, а «тройки», а «четвёрки»?⁴ Кто-то ждёт, что примут новый 76-миллиметровый бронебойный, кто-то просто освоить не может. В итоге ты понимаешь, что по четырем танкам из пяти просто не выстрелят! Вроде бы лёд тронулся, нужно успеть хоть сколько-то, а мне что, тут безвылазно сидеть? Следить, чтобы курсанты не по-

³ Panzerkampfwagen I – германский лёгкий танк 1930-х годов.

⁴ Pz.Kpfw.III и Pz.Kpfw.IV – средние танки вермахта.

дрались?

– Командир, а там, наверху?..

– А там думают, что год-полтора у них ещё есть.

– А может?..

– Закрой поплотней дверь и присаживайся. Я тебе приведу свои аргументы, а ты решишь, стоит ли ждать нападения Гитлера на Британию или на нас. Ещё минут пятнадцать у нас есть, как раз вкратце уложусь.

Вот смотри, вариант первый. Германия разгромила и захватила Англию. Начну с минусов. СССР по-прежнему угрожает рейху с востока. Так как все самые богатые капиталисты убегут в Америку и, уж поверь, с тамошней элитой договорятся, неизбежно противостояние с Америкой. Ископаемыми Англия не очень-то богата. Да, развитая промышленность, но рейху и своей промышленности хватает, ему нужны ресурсы, в том числе и людские. Населения, казалось бы, немало, но насколько жёстко Гитлер сможет его использовать? Как-никак европейцы. Учти, что в случае войны с США рейху придётся как-то обеспечивать свой британский контингент. То есть воевать на море, где Америка особенно сильна.

Теперь плюсы. Ну, стратегически лишаем Америку плацдарма для войны в Европе. Остаётся «британский пирог». Давай посмотрим. Канада точно к США. Австралия – претендовать будут, опять же, США и Япония. Да янки залезут везде, где есть море! Нужно тебе напомнить, какая часть

планеты покрыта океанами?

– Не нужно. Около трёх четвертей.

– Вот. То есть всякие Индонезии и Океании немцам тоже просто так никто не отдаст. Что там дальше. Южная Америка – однозначно США. Африка... – Командир задумался ненадолго. – Теоретически в союзе с Италией, загребая всё Средиземноморье, можно идти воевать, но далеко, долго, с негарантированным результатом. Индия – жемчужина британской короны, на неё заявят права все, и даже мы можем попытаться. Так, по Англии есть вопросы?

– А как же трофеи, Командир, вооружение?

– Давай прикинем. Достаточно много англичане смогут вывезти морем в ту же Америку. Так что на драгоценности и предметы искусства можно не рассчитывать. Стратегические запасы также: что-то вывезут, что-то истратят, останется мелочь. Что конкретно по вооружению? Теоретически, конечно, вермахт может заполучить значительную часть британского флота, но я считаю это весьма маловероятным. А сухопутная британская армия традиционно не очень сильна. Да и за свой остров, думаю, они будут биться яростно. Если не ошибаюсь, сейчас вооружённых сил метрополии менее миллиона. К тому же они уже понесли значительные потери, в том числе материальные, помогая Франции.

Так, теперь пробежимся по второму сценарию. Итак, представим, что Гитлер разбил наши ВС и захватил, скажем, всю территорию по Уральский хребет...

– Командир! – Для Андрея даже предположение такое казалось святотатством.

– Ну что «Командир»? Не победит он, не сомневайся. Но вот на его место себя поставить мы обязаны. Минусов я вижу немного. Первое – это партизанское движение, второе – угроза от войск, отошедших за Урал. Американцам на нас наплевать, япошки сами ринутся Дальний Восток с Сибирью осваивать.

А вот с плюсами совсем жирно. Смотри: тут сходятся политическая и экономическая целесообразность с личными желаниями фюрера. То есть они уничтожают первое социалистическое государство, населённое низшей расой, да ещё и обладающее огромными ресурсами, которые, по справедливости, должны принадлежать рейху. Учти, они считают славян азиатскими дикарями, поэтому вывозить будут всё, от чернозёма до рабов. И последний плюс: если СССР падёт, британцы к Гитлеру сами приползут с Индией в зубах. Становясь, по сути, континентальной сверхдержавой, Германия поделит мир с Японией и Америкой. А информация немецкая разведка черпает от белоэмигрантов, поэтому и не боятся шею сломать: думают, что мы забитые, отсталые, бегаем с кремневыми ружьями.

– Ну, Командир, так с этим надо на самый верх. Прямо всё по пунктам разложил, неужели не поверят? – Капитан вскочил и нервно заходил по кабинету.

– Не мельтеши, воды вон выпей.

Дождавшись, пока капитан залпом высадит стакан и, немного придя в себя, снова сядет напротив, хозяин кабинета продолжил:

– Основные резоны «против» у наших генералов заключаются в том, что с Англией-то немцы уже воюют, а на два фронта Германия после Бисмарка воевать не посмеет. Да и вообще, может, и потом побоится Гитлер, опасаясь, что немецкий пролетариат революцию устроит.

Командир снова взглянул на часы и тоже плеснул себе воды в стакан, промочить горло. Время поджимало, пора было озадачить стоящих на плацу бойцов последней проверкой. Но и разговор с капитаном давно назрел. Командир предполагал, что с этим набором курсантов придётся возиться именно Андрею, так как сам он, скорее всего, безвылазно будет в командировках.

– Что касается официального рапорта наверх, сейчас я тебе обрисую место нашего соединения в структуре РККА.

Командир встал, подошёл к окну и достал из замаскированного сейфа тонкую серую папку.

– Не буду объяснять детально. В двух словах: хорошее отношение Шапошникова, Жукова и ещё кое-кого позволило нам получить уникальный статус. При формировании часть не вошла в структуру Пятого Управления Наркомата обороны, а стала отдельным диверсионно-штурмовым батальоном Генштаба РККА. То есть я напрямую подчинялся Шапошникову, а сейчас Мерецкову. Приказ напечатан в трёх экзем-

плярах. О том, что мы не входим в Пятое Управление, знают меньше двадцати человек. Под мою ответственность разрешено тебя ознакомить. Если я сочту это необходимым.

Командир положил желтоватый бумажный листок приказа с несколькими строчками напечатанного текста и множеством печатей на край столешницы перед Андреем, придерживая его рукой за край:

– Читай!

Андрей прочитал и поражённо захлопал глазами. Нет, он, конечно, понимал, что истинная специализация части явно выходит за пределы компетенции даже армейского уровня. Да и по прикрытию ещё как посмотреть. Но произнесённые имена – это даже не окружной уровень. Быть ниже начальника Генштаба на две ступеньки! Казалось, его капитанские шпалы ожили, налились силой и сдавили горло.

– Ага, судя по очумевшему виду, кажется, до тебя стало доходить. Шутник, блин. В июле сорокового, когда Пятое Управление опять подчинили Генштабу, нас развернули в бригаду, которая стала называться Первой специальной разведывательно-диверсионной бригадой Генерального штаба. Оценили, как мы в финскую все дыры затыкали. Ну, кому как не тебе знать. Но! Мы так и остались подчинены Генштабу напрямую, минуя разведуправление. Понимаешь, Голикову мы не подчинялись, и, дай бог, не будем. Он бы нас схарчил, да пока Георгий Константиныч в фаворе, руки коротки.

Но всё имеет свою цену: у нас отобрали все польские контакты. Сейчас вся информация, которая идёт от агентуры, идёт через Голикова или Берию. И она условно может быть разделена на две группы: нападут немцы этим летом или после разгрома Англии. Своё видение ситуации я тебе обрисовал. Филипп Иванович вроде человек неглупый, но до тридцать первого года он служил на политдолжностях, потом запрыгал вверх и начальником разведуправления стал меньше полугода назад. Я договорился с ним о встрече на среду и постараюсь донести до него, что Гитлеру Британия на хрен не упёрлась. Больших надежд я на этот разговор не возлагаю. Но! Есть информация, что ещё до весны Генштаб возглавит Георгий Константинович.

– Жуков? – осипшим голосом переспросил Андрей, еле поспевающий усваивать такую острую информацию.

– Жуков, Жуков. И я сразу подам ему рапорт со своими соображениями и обязательно укажу, что докладывал начальнику разведуправления.

– И что это нам даст? Ну, я про Голикова?

– Да я понял. В долгосрочной перспективе посмотрим, а в ближайшей, надеюсь, у него будет меньше времени нам палки в колёса совать. Капитан Октябрьский!

– Я! – Андрей на рефлексах вскочил из-за стола. Такой официоз неизменно означал приказ или постановку боевой задачи.

– Слушай боевой приказ, капитан Октябрьский!

По чертенятам в глазах Командира Андрей понял, что от наказания отвертеться не удалось, и маловероятно, что оно ему понравится.

– За проявленное разгильдяйство и нарушение формы одежды приказываю с завтрашнего дня носить только уставную форму капитана РККА, включая награды. Присваиваю позывной «Шутник». Срок наказания – два месяца.

Такого издевательства капитан не ожидал. «Есть!» прозвучало явно с опозданием и с интонациями обречённого человека.

– За что?! Командир! Мне ж теперь проходу не дадут. – Капитан трагически заламывал руки, поднимал глаза к потолку и всячески выражал несправедливость судьбы-злодейки.

– Зато запомнишь, – рассмеялся Командир. И тут же оборвал себя: – Всё. Время.

– Может, не надо? – с неожиданной тревогой в голосе спросил Андрей.

– Надо, Андрей! Надо!

– Вроде идут.

Иван покосился на соседа, а потом перевёл взгляд на людей, выходящих из дома. Строй стремительно принимал надлежащий вид, прекратилось перетаптывание, прыжки, затихали разговоры.

– Сколь там? – спросил Иван у кого-то из бойцов, стоящих

за его спиной.

– Полпятого.

«Вот что значит зима: время-то не позднее, а уже темно», – подумал сержант. По мере приближения вышедшие всё меньше нравились ему. Их было слишком много, и одеты они были странно: во что-то напоминающее танковый комбинезон грязно-белой раскраски и в необычные, плотно облегающие голову вязаные шапки белого цвета. Ещё более настораживали одна или две широкие ярко-красные полосы у каждого на рукаве. Хотя тут всё было понятно – инструкторы.

Чтоб отвести в казарму новобранцев, такое количество инструкторов явно было избыточно. Тёплая казарма как-то померкла и отдалилась, уступив место неясной тревоге.

Худшие опасения Ивана не замедлили подтвердиться. Вперёд вышел один из инструкторов, отличающийся нормальной командирской фуражкой и отсутствием красных полос на рукаве.

– Ку-у-урс! Равняйся! Смирно! Я начальник курсов Самойлов Виктор Иванович. Слушай вводную. Враг высадил десант у стратегически важной переправы. Первая рота держит оборону! Вторая рота, то есть мы, выдвигается на вырубку. Сейчас те, чьи фамилии назовут, выходят из строя и отделением идут со своими инструкторами в оружейку.

– Капитан. – Начальник отступил на шаг и сделал приглашающий жест единственному командиру, одетому в нор-

мальную форму, да ещё и с орденами на груди.

– Первое отделение! Кого называю, выходим сюда.

Рядом с капитаном встали, если судить по нашивкам, один старший инструктор и два просто инструктора. «Наставники, те, кто будет закреплён за отделением», – понял Иван.

Выходивших из строя бойцов инструкторы споро строили в короткие колонны и вводили в дом. Когда выкрикивали пятое отделение, дошла очередь и до Жукова.

– Строимся, строимся по двое, бойцы. Кто из вас сержант Игорь Белов?

– Я, товарищ инструктор! – бодро вытянулся невысокий худощавый блондин.

– Назначаешься командиром отделения.

– Есть! Служу Советскому Союзу!

«Рвение так и прёт, – усмехнулся про себя Иван, – но надо присмотреться: на остальные отделения старших сержантов поставили, а у нас просто сержант. С чего бы это?»

За невесёлыми думками о том, что казарма отодвинулась хорошо если часа на два, Иван вместе с теперь уже своим отделением наконец-то оказался в помещении. Практически сразу у входа стояли три стола, за которыми младшие инструкторы выдавали снаряжение. Курсанты четвёртого отделения не заставили себя долго ждать, благо выдача была отработана до автоматизма.

– Сержант Иван Жуков! Пятое отделение! – представился он, повторив за Беловым, получавшим довольствие за со-

седним столом.

– А ты откуда, боец? – Сидящий за столом с интересом уставился на его конопатое лицо.

– Из-под Рязани, село Болошнёво.

– Земляк, значит, – обрадовался инструктор, – а я Тимофей. Смотрю, лицо вроде наше, рязанское. А я из Глебово, на полдороге в Коломну, знаешь?

– Слышал, конечно.

– Значит так, Жуков. – Крепенький парень, наклонившись, выдернул ближайший ранец из десятка таких же, стоящих на полу за столом, и опустил его на стол перед Иваном. – Запоминай: всё, что получишь сейчас, закрепляется за тобой до конца учёбы. – Парень зыркнул за спину Ивана и понизил голос: – Не вздумай жрать и не пей сейчас. – Продолжил земля уже нормальным голосом: – Тут ИЗ, мыльно-рыльное, кружка-ложка, индивидуальный медпакет, бельё, полотенца, нитка-иголка. Короче, что по уставу положено, то и уложено, – нехитро скаламбурил Тимофей.

Дождавшись, пока Иван снимет ранец и поставит его рядом с собой, продолжил выдачу, проговаривая выкладываемое на стол вслух:

– Патронная сумка – одна штука. Штыковые ножны – одна штука. Гранатная сумка – одна штука. Фляга с водой в чехле – одна штука.

«Алюминиевая, – заметил опытный сержант, – хорошо».

– Лопатка в чехле – одна штука. Так, пристегнул? Поехали

дальше. Обойма снаряжённая – две штуки. Шлем стальной СШ-36 – одна штука. Плащ-палатку получишь потом, противогаз потом. Шлем повесил? Ну, осталось немного. Нож НР-40 – одна штука.

«Ого!» – опять удивился Иван. Насколько он знал, такие ножи только начали выпускаться для разведчиков, и не факт, что успели до многих частей дойти. Но пехоте он даже по уставу не положен.

– Ну и последнее, винтовка Мосина со штыком – одна штука. Теперь давай расписывайся, вот я галочки-палочки поставил. – И уже тише, когда Иван наклонился над столом: – Ты, Вань, не спеши, не спеши. Силы-то побереги. – И громко: – Давай, давай, земля, не задерживай, поболтаем ещё.

«Да куда я попал-то? Одни странности. Тимофей этот со своими страшилками. Чего не жри, куда не спеши? Или на разведчиков учить будут?» Так и не решив ничего для себя, Иван уже выбежал во двор, освобождая место другим курсантам.

Самая длинная ночь сержанта Жукова

Выйдя во двор – уже в составе отделения – Иван обратил внимание, что на улице совсем темень. Хорошо ещё, что мощный прожектор освещал плац у крыльца. Курсантов поделили на восемь отделений, и сейчас они стояли обособленными группами, дожидаясь инструкторов. В каждое отделение попало по десять или одиннадцать человек. Как Иван успел подсчитать, вместе с ним в пятом отделении было десять бойцов.

– Ну чё, братухи, носы повесили? Сейчас пробежимся немного, аппетит нагуляем, разогреемся. Меня, кстати, Егором зовут, можно Жало, – сказал улыбчивый парень, чем-то напоминающий Ивану артиста Качалова.

«Ага, держи карман шире», – подумал Иван.

– Сомневаюсь. Очень сомневаюсь, – произнёс Белов.

Все с интересом посмотрели на своего нового командира, ожидая продолжения.

– Не бзди, командир. А, братухи, как ловко нас! Постояли два часа – и всё, гниль сама себя проявила.

– Эт ты об чём, Егор? – спросил невысокий младший сержант, устраивая ревизию содержимому своего ранца.

– Ну дела. А ты не понял? Так чего ж в столовку не утёк?

– Приказу такого не было, – набычился невысокий, оторвавшись от своего ранца.

– Вот поэтому ты здесь стоишь, а те, кому приказ побоку, уверен, уже лыжи взад вертают. Понял мою мысль, братуха?

– А тут, пожалуй, Братуха прав. – Народ заулыбался, понимая, что, по крайней мере, на период обучения Жало стал Братухой. – Их не оставят.

Ивану нож понравился: удобный, хваткий, сам ложился в руку, наполняя уверенностью. Повертев его в руке и ловко вогнав в ножны, Иван посмотрел на Белова.

– Ты ведь что-то знаешь про это место. Не пора ли и нам рассказать?

– Про место не знаю, а вот с людьми сводила дорожка.

– Это где же?

– А в Карелии, в составе Девятой армии.

– Финская, значит. Служили вместе? Разведка? – Иван вцепился взглядом в лицо Белова, пытаясь уловить реакцию на так интересовавший его вопрос.

– Если бы всё так просто было, Иван. Тебя ведь Иваном зовут?

– Да, Иван Жуков, комсомолец, шестьдесят четвёртая стрелковая дивизия, – представился сержант.

– Так вот, парни, тутошнее начальство имеет свой особый взгляд на боевую подготовку. И уж поверьте мне, он вам не понравится. – Белов предостерегающе поднял руку, останавливая готовые сорваться с языка вопросы курсантов. – В но-

ябре тридцать девятого в составе сто шестьдесят третьей СД я попал в Карелию, наша дивизия входила в состав Особого корпуса. В начале декабря тридцать девятого года было принято решение создать отдельный батальон для борьбы с финскими лыжниками. Я туда попал одним из первых, так как имею взрослый разряд по лыжам.

Там я и познакомился с «призраками». Необычная экипировка, маскхалаты, отсутствие знаков различия, позывные. Даже лица они старались не показывать. Эти вот шапочки раскатываются на всё лицо, остаются только две дырки для глаз, ещё убедитесь. Так вот, от батальона осталась рота, остальные просто не выдержали нагрузок: они там просто бешеные. Я лыжник, спортсмен, брал призы по Ленинграду, а до койки еле доползал.

Но стреляли из всего. «Мосинка», СВТ, ТТ, наган, «дегтярь». Даже трофейный автомат «Суоми» освоил. Пробовал снайперку и пулемёт, но немного, так, в целях ознакомления. Рукопашный бой, ножевой, принципы маскировки, основы минного дела. Только вот финны не стали ждать, когда мы придём. Об этом в газетах не писали. Как дали нам: сто шестьдесят третью окружили у местечка Соумуссали – как-то так, хрен запомнишь, не то что выговоришь. А сорок четвертую вообще на дороге рассекли на части. Вот мы с середины декабря без продыху метались между ними. У финнов, по сути, сплошного фронта не было, «призраки» вырезали всех, до кого могли дотянуться, и мы на подхвате. Ну а по-

том обеспечивали прорыв: сначала сто шестьдесят третьей, потом остаткам сорок четвертой, кто ещё оставался в котлах.

Вспоминая недавние события, Белов непроизвольно менялся внешне: лоскутами сошло выражение городского интеллигента, к лицу прилила кровь, заблестели глаза; он напрыгся, перенеся вес тела на толчковую ногу, рука сама легла на нож. Глядя на своего командира, курсанты уже не сомневались, что он убивал и снова, не задумываясь, убьёт врага. Сказать такому Белову «не бзди» решился бы или очень смелый человек, или очень глупый.

– От той роты половина легла там. Но вот что я вам скажу: мы успели проучиться меньше месяца, но когда сталкивались с финнами, то херачили их в одни ворота. И если кто думает, что сейчас будет лёгкая трёхкилометровая прогулка, не надейтесь. Десятку только в путь.

– Командир, а мож сразу полтинник? – попытался пошутить Братуха, но, судя по кислым лицам товарищей, шутка не удалась.

Старт прошёл как-то буднично. Ни речей, ни даже секундомера. Все бегут за здоровым лбом с мерцающей звездой на спине, первый круг не обгоняют, потом за ради бога. Чтоб не забивали головы, звезда – просто мелкие осколки зеркала, посаженные на клей.

У каждого отделения было своё предположение о дальности марш-броска, исходя из которого они и выбрали темп.

Отделение Ивана, сразу настроившись на длинную дистанцию, заняло место в хвосте бегущих. Километра через три они получили косвенное подтверждение своим догадкам: на обочине стояла полупанельная машина с красным крестом на дверце.

Бегущий рядом в том же темпе младший инструктор пояснил, что да, санитарная машина: «А что вы хотели? Ногу кто подвернёт, или ещё что. Бывали случаи». Наверное, не они одни сделали нехитрый вывод, что раз скорая посередине, то бежать им ещё столько же, и прибавили ходу. До второго автомобиля с таким же красным крестом.

Первый десятикилометровый круг они прошли относительно легко и даже почти не удивились присутствию третьего санитарного автомобиля на плацу. Сказалась и хорошая физическая подготовка курсантов, и ровная утоптанная дорога. Да и вес экипировки был легче обычного: отсутствие плащ-палатки, противогаса и гранат делало его существенно меньше. В середине пути выяснилась ещё одна интересная деталь: во фляжках вместо воды был кислый яблочный сок, замечательно утоляющий жажду.

Иван пристроился сбоку от Белова и зашагал рядом.

– Прав ты оказался, командир! Садюги! Ну ничё, в таком темпе и двадцать выдержим. Дорога-то, а, как по бульвару шагаем.

– Плохо. Очень плохо, – выдохнул Игорь.

Иван аж сбился с шага, и ему пришлось догонять командира.

– Чего плохо-то? Или ты хочешь первым дойти?

– Первым? – обжёг Ивана взглядом Белов. – Тут хоть бы просто дойти. Сок.

– Чего сок? Кислый.

– Кислый фруктовый сок, во-первых, хорошо утоляет так называемую мнимую жажду, когда пересыхает носоглотка, во-вторых, богат калием и позволяет восполнить запасы организма, ушедшие с потом. – Белов зло посмотрел на Ивана. – Сказать, откуда я это знаю, или сам догадаешься?

– «Призраки»?

– Точно. Если предполагается отмахать пешкодрапом или на лыжах с десятков часов, бери сок и шоколад. Так, парни! Я видел, кто-то паёк смотрел! Там шоколад есть?

– Есть, командир!

– Отделение, слушай команду! Шоколад не жрём, сок экономим! Настраивайтесь на пятьдесят километров!

«Минимум», – добавил Белов про себя.

На втором круге отделение стало обгонять одиночек, плохо подготовленных физически или отдавших слишком много сил на старте. Переговариваться или подкалывать отстающих сил уже не было. Организм выходил на экстремальный режим функционирования. Движения стали более скупыми, наклонились головы, подошвы минимально отрывались от земли. Ближе к середине круга по ходу движения курсантов в небо ушла сигнальная ракета. А через несколько минут мимо них с воем и моргающим красным прожектором

на крыше кабины проехал санитарный грузовик.

Братухе, казалось, молчать было труднее, чем бежать, и не воспользоваться таким поводом он просто не мог:

– Тащ инструктор, а эт чего, братуху повезли?

– Правильно мыслишь, курсант, все мы тут братья по оружию. А по существу вопроса: раз скорая, да с сиреной – что-то серьёзное. В госпиталь повезли. Первый.

– И что теперь с ним? Отчислят?

– Если специально ногу сломал, отчислят. А так за что? Вылечат! Ну, или комиссуют. Доктор хороший у нас. Профессор.

– А как тут вообще служится, тащ инструктор?

– Береги дыхалку, курсант, болтаешь много. – С этим напутствием инструктор легко ушёл в отрыв, показав неуместность вопроса, и продолжил бег метрах в десяти впереди отделения.

Третий круг отделение заканчивало уже в середине бегущих, а когда до плаца оставалось буквально пятьсот метров, один из курсантов вскрикнул и рухнул на снег. Пришлось инструктору, так и бегущему рядом с ними с самого начала, доставать ракетницу и вызывать карету скорой помощи. Ощупав ногу, санитары переломов не нашли, но курсанта всё-таки увезли, чтобы проверить на рентгене.

На эмоции сил уже не оставалось. Сделав два экономных глотка, Иван понял, что фляжка опустела уже на две трети. Наметилась тройка парней, бежавших последние километры

на пределе.

– Отделение, шагом!

Очередная смена движения с бега на быстрый шаг, возможность чуть восстановить дыхание, глотнуть сока.

– Иванов, Айбеков, Прудников! Вы как, парни, можете дальше?

В отличие от закивавших Иванова и Прудникова, низкорослый младший сержант родом из Средней Азии только прохрипел что-то нечленораздельное.

– Давай винтовку сюда. Иван, Жуков, ты как, сможешь у него каску взять?

– Смогу.

Брать лишний груз не хотелось, но и бросать своего – не по-мужски, не по-советски. Да и с сержантом, что говорить, повезло им: и сам бежит хорошо, и за остальными успеваешь приглядывать. А потом они снова побежали, и сил на лишние мысли не осталось.

Четвёртый круг Иван запомнил плохо. Бежали, шагали, снова бежали. Кажется, у Айбекова отобрали ранец, и сам он бежал, закинув руки на плечи Белова и Братухи. У Ивана ко второй каске добавилась вторая винтовка. Зато на старте их ждали полные фляжки клюквенного морса. Терпкий, с чуть горьковатым вкусом напиток прекрасно утолял жажду и убивал надежду на скорое окончание этого ночного марафона.

Завершив пятый круг, отделение перестало существовать как воинская единица. Дотащив Айбекова на одной злости,

курсанты просто повалились на плац. Дальше, практически силком поднятые инструкторами, бойцы двигались каждый сам по себе. Казалось, они бегут не ночь, а с самого начала времён.

Иван падал, вставал, проклинал всё и снова двигался вперёд. Падал, поднимался и снова шёл, продолжая волочь за собой винтовку по снегу. Падал и снова вставал. В какой-то момент, упав, он решил не вставать. Пусть отчисляют, да хоть пристрелят на месте – он не встанет.

Лежать было хорошо. Никогда ещё Иван не отдыхал с таким комфортом. Снег приятно охлаждал не только лицо, но и шею, набившись за воротник. Рюкзак, давивший сверху, создавал чувство защищённости и комфорта. Ремень винтовки, намертво зажатый в руке, позволял с уверенностью смотреть в будущее.

Но уйти в спасительное забытье Иван не успел. Неприятный хриплый голос ввинчивался прямо в мозг, вгрызаясь в него изнутри. Как деревенский мальчишка разрывает рака, добираясь до мягкого белого мяса, так сознание Ивана выковыривали из уютного панциря безразличия на грязный холодный снег под начинающим светлеть небом, не давая провалиться в такой близкий манящий сон.

– Бу-бу-бу... Боец! Вставай, боец! Мать твою, чуть-чуть осталось, боец, вставай же! Соберись! Вставай! Ну, что ты разлёгся-то! До весны спать будешь? Вставай! Не хочешь идти? Хорошо, ползи! Ползи, солдат! Приказываю! Ползи! О!

Пополз! Так, парни, поднимайте его, осторожно. Смотри, в винтовку как вцепился – кадровый. Давай, парни, держитесь, ещё минут двадцать и станем мотопехотой.

Иван плохо запомнил, как два инструктора закинули его руки себе на плечи. Как ещё минут двадцать, сцепившись в одну шестиногую конструкцию, изображали бег на месте по палубе во время шторма. Как практически бесчувственного его погрузили в одну из полуторок, выехавших с базы подбирать измученных, но не сошедших с дистанции бойцов.

Из восьмидесяти четырёх курсантов шесть десятикилометровых кругов полностью прошли семь человек, из пятого отделения – один Белов. Четырнадцать человек по той или иной причине сошли с дистанции и были подобраны санитарными автомобилями.

И вот сейчас Иван стоит на том же плацу. Если верить часам, прошло менее суток с того момента, как он в ряду таких же молодых, уверенных в себе идиотов мечтал о скором ужине и чистой койке. А вот субъективно казалось, что всё это было в прошлой жизни.

Сознание витало где-то далеко, отдельно от тела. Им дали прийти в себя и даже напоили густым бульоном с пряно-стями, которые, как ни странно, желудок принял. Господи, а вчера они возмущались, что про них забыли. Сейчас же хотелось только одного: чтобы их не трогали, чтобы инструкторы, колоду им в печёнку, не придумали новую иезуитскую гнусность.

Но и на этот раз желаниям Ивана не было суждено сбыться. Про них не забыли. К выстроившимся курсантам вышел начальник школы в сопровождении нескольких старших инструкторов. Прихрамывая, опираясь на трость, начальник подошёл вплотную к строю.

– Вольно. Не тянитесь. Знаю, вам сейчас трудно. Но прошу, соберитесь, послушайте. А потом, обещаю – всем отдыхать.

Хотелось послать этого начальника вместе со всеми его курсами, но что-то заставляло Ивана напрячься и сконцентрироваться. Может быть, столь необычное для армии слово «прошу» или уже возникшее чувство локтя. Ведь и этот ещё молодой мужик с заострившимися от усталости чертами, и другие инструкторы – все они бежали рядом, как бы показывая: я не прошу от тебя ничего, что не смог бы сделать сам.

Мозг, освобождённый от необходимости задействовать все свои ресурсы на поддержание работоспособности организма в этом запредельном шестнадцатичасовом марафоне, включался в аналитическую работу, обрабатывая массивы информации, накопившиеся за ночь.

И уже сейчас Ивану стало очевидно, что их осторожно провели по грани, заставив выложиться на пределе своих возможностей. Но провели, можно сказать, мастерски, стараясь по возможности уменьшить вред. А вот в его части смогли бы комбаты, не говоря уже про комполка, так пробежать наравне с бойцами? Не по необходимости, а вот так,

подавая пример. Ой, вряд ли. Неожиданно для самого Ивана пришло чувство гордости. Я смог. Я выдержал.

– Итак, товарищи курсанты, вы все успешно прошли последний экзамен, и мы готовы зачислить вас. Осталось уточнить один момент. Курсы добровольные. Ваши командиры не сказали?

Командир кивнул, отвечая сразу на два невысказанных вопроса.

– Да, я попросил не сообщать, и да, мне пошли навстречу, но это так. Более того, у нас существует договорённость, что всех, кто решит не принимать наше предложение, уже завтра мы отправим домой. И главное, в личных делах никаких отметок об отчислении стоять не будет. Это же относится к товарищам, уехавшим вчера.

Времени у нас мало, а научить необходимо многому. Поэтому нужны добровольцы, готовые работать на пределе и немножечко за пределами возможного. Мои требования к самоотдаче вы уже поняли. Легче не будет! Хорошо подумайте и решите: нужно ли это вам? Сможете ли? Время даю до вечера. А сегодня – день отдыха. Сейчас подъедут машины и отвезут вас в казарму.

Проснулся Иван рывком. Открыл глаза, вспомнил, где он, вскочил с койки и растерялся. В казарме царил сумрак, по черноте за окном нельзя было понять, ещё вечер или уже наступило утро. Лишь откуда-то справа приглушённо расте-

кался свет, указывая направление. Иван, наскоро одевшись, подгоняемый нешуточным голодом, устремился на разведку.

Вообще казарма нравилась ему уже сейчас: основательное сооружение, оборудованное, наверно, по последнему слову техники. Чего стоит одно водяное отопление и непонятные медленно вращающиеся под потолком маленькие мельничные лопасти. Опытные служаки уже оценили удобство опоясывающих помещение труб для сушки обмундирования. Конечно, дух от портянок будет стоять ядрёный, но сержант не сомневался, что большую часть учёбы они проведут вне этих стен.

Убранство казармы вообще создавало впечатление апартаментов: всё выкрашено в приятные светлые тона, много ламп, и, что уж совсем уму непостижимо, на стенах висели настоящие картины в рамках. Сейчас лампы не горели, и разглядеть что-либо было проблематично. Впрочем, перед Иваном стояла несравнимо более важная задача – найти жратву.

Путеводная лампа быстро вывела его к столу, стоящему в противоположном от входа торце казармы, за которым, вполне вольно устроившись, читал книгу парень в обычной форме с одной красной полосой.

Иван уже набрал воздуха для приветствия наставника, но ничего сказать так и не успел.

– Тс-с-с, – приложил палец к губам инструктор, – парни спят. Щас как гаркнешь, перебудишь всех. Говори тихо. Ты с какого отделения?

– Иван Жуков, с пятого, товарищ инструктор, – понизив голос, ответил Иван. «А ведь на самом деле чуть не разбудил всех», – подумал он.

– Не мой, значит. Зовут меня Илья, а обращаться можешь по позывному – Лист. Сам-то Рыжий небось?

– Нет, Жуком обычно кличут.

– Жук, значит? Ну, Жук – это хорошо, а то Рыжий у нас уже есть. И давай по-простому – просто Лист. Вот если ко мне на занятие попадёшь, там и поковыряешь. А теперь главный вопрос: есть хочешь, Жук?

– Конечно, Лист, как волк!

– Тогда я тебя не задерживаю. Проходи. Осторожно, дверь тугая. Там сам разберёшься, у нас самообслуживание. Тебя уже пять гавриков ждут, но они при всём желании не смогут уничтожить всё, что наши повара вам наготовили.

– Земеля, постой, я тоже жрать хочу.

Обернувшись, Иван увидел приближающегося по проходу бойца. Невысокий, плотный, в одной майке, он улыбался Ивану, как нежданно обретённому родственнику. Парень производил впечатление основательного и надёжного человека. «С таким и в разведку можно», – думалось произвольно.

– Так, а ты у нас кто? – произвольно заулыбался и Лист.

– Нэтрэба Остап Петрович, можно просто Писарь.

– Какое отделение?

– Седьмое, товарищ командир.

– Так, Писарь, Командир у нас один, и это не я. Я инструктор, можно Лист. Жрать хочешь? Вон, топай за Жуком.

– Понял. Жрать хочу, топаю за Жуком.

Отметив непонятное недовольство дежурного, курсанты просто мысленно пожали плечами. А войдя в соседнее помещение, и вовсе выбросили его из головы, переключив внимание на более важные и приятные вещи, такие, как, например, блюдо с пирожками.

– О, Иван проснулся!

Жуков совсем не удивился, увидев тут Белова. Единственный из пятого отделения, пробежавший всю дистанцию до конца, он и на построении выглядел заметно свежее большинства курсантов.

Парни, встретившие их, уже поели и сейчас, попивая компот, делились впечатлениями от ночного марафона. Иван с Остапом, слушая вполуха, накинулись на еду. Простые щи и каша, но приготовленные мастером без экономии продуктов, были восхитительны. Кашу Иван доедал уже через силу: с величиной порций и он, и Писарь явно переборщили.

– Вы, парни, просто звери, как будто неделю не ели.

Говоривший словно сошёл с плаката, иллюстрирующего настоящего арийца. Сероглазый блондин с волевым подбородком и правильными чертами лица с лёгкой снисходительностью, как показалось Ивану, смотрел на его попытки запихать в себя остатки каши.

– А сам, Швед, полчаса назад готов был вместе с посудой

всё смолоть, – парировал Белов, обозначив «прямой» в голову, от которого блондин плавно уклонился.

– Ох и непрост ты, Белый. Разведка?

– Бери выше, Олег. Начали учить нас как раз против разведчиков и диверсантов, да не успели. Корпус в окружение попал, а потом и война кончилась.

– Так ты в Девятой армии служил?

– Да. А ты?

– В Седьмой. У нас тоже спецы были. Говорили, что группа чуть ли не напрямую разведуправлению Генштаба подчиняется. Но они никого не учили, дотами занимались. Раз показательные устроили, показали, как можно работать кулаком, ножом, ремнём даже. А потом от нас вышло три добровольца – спортсмены, все здоровые, как быки. А от них парнишка щуплый, метр с кепкой. Ох, как он их повалял! И с ленцой так, ну как бы взрослый с детьми борется.

– Швед, а когда у вас эти спецы были? – резко спросил Белов, подавшись к приятелю.

– Дай вспомнить. В середине января. Да, где-то так. А что?

– А я с ними провоевал до конца декабря тридцать девятого. Последние группы выходили из окружения уже в первых числах сорокового года, но «призраков» с нами уже не было. Кажется, они в серьёзную засаду попали. Потом комдив сто шестьдесят третьей говорил, что дивизия потому и вышла относительно легко, что финны всё бросили, их ло-

вили.

– Так ты думаешь, это одни и те же?

– Думаю, да. Ножами работали, как продолжением руки. – Игорь заговорщицки подмигнул Ивану. – А знаете, товарищи курсанты, что самое главное в моём рассказе?

Белов мастерски выдержал паузу, дождавшись, когда курсанты хором выдохнут:

– Что?

– А то! Скоро мы сами сможем спросить, одна это была группа или нет. Среди инструкторов я узнал двоих, с кем в Карелии воевал.

В комнате наступила тишина, замершие курсанты переваривали сказанное Беловым.

– Твою ж мать, это же Полярный Медведь!

Все с интересом уставились на Писаря. Нет, конечно, то, что их будут учить спецы не хуже осназа, ошеломило и заинтриговало всех. Но при чём тут полярный медведь?

– Да всё сходится, точно вам говорю!

Остап и курсанты уставились друг на друга с взаимным непониманием. Иван протянул товарищу вовремя оказавшийся под рукой компот.

– На, земля, выпей, успокойся и по порядку. Что сходится и при чём тут полярные медведи?

Выпив стакан залпом, Писарь завис на пару секунд и выдал:

– По порядку. Я тоже в финскую не на печи сидел, с сен-

тября тридцать девятого в штабе Седьмой армии. В начале прошлого года, если официально – «для координации действий по преодолению финского укрепрайона направляется отдельный сапёрный батальон...» Дословно я, конечно, не помню, но смысл такой. Сапёрный, аха. Что интересно, командованию армии эти сапёры не подчинялись и действовали автономно. Конечно, если командарм попросит – не откажешь, но официально приказы они получали из Москвы и действовали «в интересах фронта».

Так вот, сам я их не видел: сами понимаете, где передовая – и где Писарь. Но обсуждали их в штабе часто, и знаю совершенно точно: их командир, выходя из окружения, сильно обморозил ноги. Ему сделали операцию, ампутировали пальцы на левой ноге, но вместо госпиталя он остался на фронте. Организовал передвижной штаб в автобусе, там и долечивался.

Сам я автобус не видел и не придавал значения тому, что автобус имел имя собственное – «Белый Медведь». А сейчас вспомнил, на чём нас вчера привезли. Так вот, позывной их комбата был Медведь, а на передовой непосредственно руководил кто-то с позывным Песец. Лица они, кстати, очень не любили показывать, иногда наши в штабе жаловались: мол, высокомерные параноики! Вот так вот, товарищи курсанты.

– Да не, не может быть, путаешь ты. Он же с нами бежал, все десять кругов. Как без пальцев-то? Белый, скажи!

– Если это те, то смогут. Побегут и без пальцев. И добегут,

если приказ будет! Вы как хотите, а я отсюда не уйду!

Под большим секретом от курсанта к курсанту, как лесной пожар, передавалась новость о том, что они попали в школу осназа, а их начальник в боях с финнами потерял пальцы на ноге.

До отбоя парни успели не только сходить в баню, но и обсудить свалившуюся на них информацию, сначала в своих отделениях, а потом и все вместе. Единогласно было решено оставаться: коммунисты и комсомольцы от трудностей не бегут, а преодолевают их.

А перед сном отдохнувшим, чистым и довольным жизнью курсантам, которым сытный ужин и банька заслонили ужасы прошлой ночи, дежурный Лист через командиров отделений передал нехитрое напутствие:

– Сегодня вы ещё гости, которые могут уйти, а завтра в шесть ноль-ноль начнётся боевая учёба. То есть и маршброски останутся, и ещё много разного добавится, а вот спать днём вам никто не даст. Так что, бойцы, всем спать! Завтра у вас начинается новая жизнь.

Скучная лекция с картинками

Утром Ивана с остальными курсантами подхватил водоворот. Количество наставников позволяло заниматься чуть ли не с каждым курсантом индивидуально, и инструкторы не замедлили этим воспользоваться. От уборной до ротного арсенала их просто протащили бегом, знакомя с учебным корпусом. Попутно курсантов проинформировали о двух незначительных новшествах. Нарукавные повязки заменили на более привычные петлицы, соответственно с одной или двумя шпалами. А должность Белова и других отделённых командиров стала называться «старшина отделения».

Уже стоя перед казармой, а вернее, целым комплексом больших, преимущественно одноэтажных зданий, Иван смог оценить и продуманность казармы в бытовом плане, и само количество различных помещений, построенных для облегчения учёбы.

Всех курсантов разбили на две учебные роты по четыре отделения. На тридцать пять курсантов выходило аж двенадцать закреплённых наставников, не считая профильных. Поразил Ивана и сам учебный комплекс. Ознакомившись пока с малой его частью, он уже уверенно мог сказать, что, потеснившись, тут разместился бы и целый батальон.

Каждому бойцу выдали недостающую экипировку: плащ-палатку, противогаз, а также две боевые гранаты с коммен-

тарием «Кто подорвётся – будет отчислен!». И в довершение каждое отделение получило в арсенал станковый пулемёт.

– Так, Белов, слух прошёл, что ты знаешь, каким концом эта машинка к супостату должна быть повёрнута?

«Похоже, не только Игорь хорошо помнит „призраков”, но и они его», – подумал Иван. Вот и сейчас заведующий выдачей старший инструктор явно выделил его из остальной массы курсантов.

– Видел один раз, издали, как взрослые дядьки работали, товарищ старший инструктор.

– Раз видел издали, смотри теперь вблизи.

Отсмеявшись, оружейник смог продолжить инструктаж:

– Это ДШК, крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва – Шпагина образца тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Сталкивался уже кто-то с таким? Нет? Ну, я так и думал. Пулемёт новый, в пехоту только начал поступать. Подробно изучать его вы будете потом, а сейчас вам будет полезно знать вес: со станком сто пятьдесят семь килограммов, без станка – тридцать четыре. Ну и последнее: зовут меня Степаныч, так и обращайтесь. Всё, схватили машинку и на выход, другие ждут.

А ещё через несколько минут курсанты убедились: что бы они ни думали об иезуитских склонностях наставников, в реальности всё обстоит гораздо хуже.

Выстроив обе учебные роты на спортплощадке, поражавшей обилием различных снарядов и непонятных приспособ-

лений, перед ними выступил капитан, который ещё позавчера запомнился уставной формой.

Капитан притягивал к себе взгляды остальных инструкторов, они пытались сдержать улыбки, но получалось плохо. От этого капитан злился и двигал желваками. На самом деле, среди одетых в грязно-белые комбинезоны и вязаные шапочки инструкторов капитан смотрелся белой, вернее, тёмной вороной.

– Ну, значит так. Сейчас пробежите немного, разомнётесь. Пять километров туда, пять обратно. Бежать будете отделениями, зачёт по последнему. На пути пара препятствий, ну так, детских, просто чтоб вам скучно не было. Ах да, чуть не забыл: если отделение не укладывается в норматив, обратно несёт раненого товарища. Носилки там есть, не волнуйтесь. Вопросы?

– Товарищ капитан, а за сколько нужно пробежать, чтоб уложиться в норматив?

– Пробежать нужно быстро. Нормативы секретные, знать их вам не положено. Но вы, товарищи курсанты, не волнуйтесь, инструкторы вам подскажут. Ещё вопросы есть? Вопросов нет? Хорошо.

И они побежали. Нужно ли говорить, что трасса оказалась тяжёлой, а препятствия на пути – отнюдь не рассчитанными на детей?

Как ни странно, подгоняемые и направляемые наставниками, они прибежали вторыми, немного отстав от 2-го отде-

ления. Что ещё важнее, уложились в секретный норматив и понеслись назад без добавочного груза. Финишировали всё так же вторыми, совсем немного не догнав лидера. Но с заметным отрывом от остальных шести отделений, вынужденных нести «раненых» инструкторов.

После «разминочного» марш-броска жизнь снова смогла удивить Ивана. На этот раз чудо приняло образ десятиминутного душа и чистого комплекта нательного белья. Жуков крякнул и поклялся ничему больше не удивляться.

И нарушил клятву через полчаса, попав на осмотр к доктору, одетому по дореволюционной моде. Это был пожилой мужчина с наметившимся животиком, седыми волосами и ухоженной бородкой клинышком. Из-под белоснежного, накрахмаленного до хруста медицинского халата были видны двубортный чёрный костюм с бабочкой и белая сорочка. Круглые очки в тонкой золотой оправе довершали образ преуспевающего буржуа.

– Что ж вы стоите, голубчик? Докторов не видели или укол-лов боитесь?

Застывший Иван не сразу понял, что вопросы, заданные мягким приятным баритоном, адресованы ему.

В следующие несколько минут доктор всё тем же приятным баритоном буквально вывернул Ивана наизнанку, заставив вспомнить и рассказать не только о своём здоровье, но и о недомоганиях всей своей многочисленной родни. Попутно курсант приседал, нагибался, высовывал язык и делал всё,

что так любят проделывать со своими пациентами люди в белых халатах.

Из кабинета он выскочил, как из застенок вероятного противника, и только смог махнуть рукой, посылая следующую жертву к «доброму» доктору.

После вкусного завтрака с ненормированными порциями всех курсантов собрали в помещении, которое дежурный назвал конференц-залом. Что это значит, Иван понятия не имел, но на всякий случай приготовился в очередной раз не удивляться.

Вошёл и сразу не удивился. Подумаешь, круглое помещение, усечённое в противоположной от дверей стороне, со сценой. На стене белый экран, а на самой сцене, которую полукольцом окружили ряды кресел, каждый выше предыдущего, стол со стулом. Кинопроектор, соседствующий с неопознаваемым издали аппаратом, также присутствовал на своём месте. «Не кино же мы сюда пришли смотреть? – подумал Иван. – Или кино?»

Что он, круглых кинозалов раньше в частях не встречал? Вообще никаких не встречал, кинопередвижка приезжала. Ну и что? Доктора такие ему тоже раньше не попадались. Это не повод удивляться. К тому же над экраном висит такой до боли знакомый, привычный транспарант: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино. В. И. Ленин».

Сидевший справа Братуха наклонился к Ивану:
– Жук, у ты чё над койкой нарисовано?

– Вроде самолёт какой-то, не успел рассмотреть. А что?

– Вот ты даёшь, Жук! Все уже рассмотрели, один ты наше отделение позоришь. У меня, например, рыцарь, только не обычный, а не знаю, как сказать, прям сказочный, что ли. Доспехи чёрные с позолотой, крылья за плечами, шипы везде и меч под два метра весь в узорах. Короче, братуха. Это надо смотреть. А вот у Айбекова...

Что было у Айбекова, сосед Ивана рассказать не успел по причине появления начальства. Инструкторы сели на свободные места, которых в зале было предостаточно, один устроился у стойки с кинопроектором. А вот начальник курсов, всё ещё с тростью, но уже почти не прихрамывая, устроился за столом, положив её перед собой.

Иван поймал себя на мысли, что ему нравится здесь. Атмосфера неувлимо отличалась от тех собраний, на которых ему приходилось бывать раньше. Обычному расположению участников, когда высокий президиум и ровные ряды слушателей подчёркивают незыблемость армейской иерархии, тут был противопоставлен абсолютно другой принцип. Ивану не хватало знаний сформулировать его, но интуитивно ощущалось чувство сопричастности, единства, когда командир становится естественным центром группы. Как нельзя лучше это объясняли слова инструктора, бежавшего рядом с ними ночной марафон: «Все мы тут братья по оружию».

Ивану вдруг стало совершенно ясно: не многочасовые марш-броски, не новый пулемёт и не нож разведчика, а этот

ещё молодой парень с короткой стрижкой и усталыми глазами, пробежавший с ними бок о бок шестьдесят километров без пальцев на ноге – вот кто изменит его жизнь. И сержант 64-й стрелковой дивизии, отличник боевой подготовки Иван Жуков приготовился слушать так, чтоб не пропустить ни единого слова.

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

– Здравия желаем, товарищ начальник курсов!

– Вы прям как на плацу, только что по стойке смирно не сидите. Обращаться ко мне можно просто – Командир. Все так делают, так что и мне привычно, и вам удобно. Устраивайтесь поудобней, разговор у нас будет небыстрый. И прежде всего хочу сказать: я очень рад, что все вы решили остаться. Конечно, инструкторы приложат максимум усилий, чтоб вы как можно чаще об этом жалели. Но у них работа такая.

Командир на мгновение замер и продолжил:

– Не смеётесь. Правильно. Поступим следующим образом: я вам постараюсь рассказать, чему вас будут учить, как учить и почему именно так, а не иначе. По мере разговора у вас будут возникать вопросы. Если считаете вопрос серьёзным, поднимаете руку. На какие-то вопросы буду отвечать сразу, на какие-то, надеюсь, получите ответы в ходе разговора. Согласны?

Курсанты, не привыкшие к такому, сначала кивнули и только потом удивились: а что, можно не согласиться?

– Тогда я начну. Прежде всего, чтобы понять, чему и как вас учить, мы должны понять, а к чему мы, собственно, вас готовим. Конечно, вы сейчас скажете «К войне!», некоторые уточнят – к войне с мировым империализмом. Ну, не буду спорить и даже уточню: на данный момент для нас наиболее вероятными противниками являются Германия и Япония. Если кто-то удивлён, просто примите как данность. Ну а вас будем готовить к войне с Германией, всё-таки она опасней Японии будет.

Но встаёт вопрос: каков характер будущих военных действий? Будет ли будущая война походить на империалистическую, но с более массовым применением танков и самолётов, или это будет нечто совершенно иное? Не знаете? И я, товарищи, сказать с уверенностью, какой будет следующая война, вам не могу, а вот какой она точно не будет, я, пожалуй, знаю. У нас принято, чтоб каждый боец чётко понимал не только свою задачу, но и важность её выполнения. Ваша задача на следующие два месяца – учиться, как говорится, не за страх, а за совесть. Поэтому начну я издалека. Никто не торопится?

Зал заулыбался и энергично замотал головами. Уже оценив пристрастие наставников к «лёгким» марш-броскам, поменять удобные кресла на неизвестность дураков не было.

– Итак, все вы знаем, что Советский Союз – первое в мире государство, где нет паразитических классов. Рабочие и крестьяне являются производителями продукта и основой на-

шего государства. А служащие и интеллигенция, к которым относятся врачи, юристы, музыканты и так далее, хоть и не создают продукт, который можно потрогать руками, но занимаются обслуживанием, и без их участия, согласитесь, нормальное функционирование государства также невозможно. А вот военные только потребляют, ничего не производят и обслуживанием не занимаются. Может быть, распустить армию? Что думаете?

Так, не вижу рук. Что, не желаете думать или не умеете? Ничего страшного, армии и такие бойцы нужны: например, боеприпасы подносить. Тем, кто не хочет думать, устроим маленький марш-бросок с утяжелением... Ты смотри-ка, как у вас шестерёнки в голове заработали, меня чуть не оглушило. Судя по поднятым рукам, все желают что-то сказать! Ну вот, пойдём по порядку. Первый ряд, первый справа от прохода. Встал, представился, высказался по существу вопроса.

– Сергей Максимович, первое отделение. Так это, нельзя без армии: а вдруг война, вот, опять же, с Германией?

– Так может, начнётся война, тогда и об армии подумаем, а, Сергей?

– Нет, товарищ командир, поздно будет.

– Поздно, значит? Ну тогда давайте за неделю или за две, а? Так и быть, танки и пушки оставим, а вас всех домой. А за две недели снова призовём. Серёга, садись. Кто ещё хочет высказаться? Так, вижу, шестой ряд, слева, курсант обе руки тянет.

– Старшина первого отделения первой учебной роты Аркадий Леонидович Фишман. Разрешите доложить, товарищ командир.

– Разрешаю, и давай попроще, Аркадий, у нас не митинг.

– Первое, я считаю, двух недель не хватит, чтобы обучить армию, расконсервировать технику, провести учения, добраться до мест дислокации. И второе, мы не можем знать планы вероятного противника, а следовательно, и высчитать точную дату мобилизации.

– Молодец, Аркадий, правильно. Даже если противник с нами поделится своими планами, всё равно двух недель недостаточно, даже чтоб призывника с Дальнего Востока до западных округов довести. Что уж говорить про учения. Аркадий, садись. А у меня следующий вопрос. Так что, товарищи, значит, нужно сегодня мобилизацию начинать, чтоб было больше времени подготовиться? Так, курсант Белов руку тянет. Вставай, Игорь, излагай.

– Игорь Белов, старшина седьмого отделения. Думаю я, товарищ командир, слишком это накладно будет: не прокормить столько, не разместить. Опять же, сколько солдат прибавится, столько рабочих или крестьян убавится.

– Вот ведь. Ни распустить, ни мобилизовать. Ну, и на твой взгляд, Игорь, как же быть?

– Так вроде придумали – «тройчатки» и дивизии со штатом мирного времени, которые заполняются новобранцами в случае мобилизации.

– Выскажусь по порядку. Сначала по поводу так называемых «тройчаток». От этого принципа развёртывания отказались, сочтя его нецелесообразным. Сами подумайте: в этом случае вы из командира отделения становитесь командиром взвода, имея плохо обученный личный состав. Взводные становятся ротными. Ротные – комбатами. Как думаете, высока будет боеспособность такой дивизии?

Во втором случае, получая плохо обученное пополнение, вы хотя бы остаётесь на привычном месте. Вот и получается, товарищи курсанты: чтобы хорошо обучить новобранцев, вам необходимо будет не просто хорошо выучиться самим, но и понимать, почему вас учили так, а не иначе. Да и учить вас плохо – просто расточительно. Увы, не все командиры это хорошо понимают. Так, ладно, про это чуть позже поговорим.

Вы, как кадровые военные, думаю, понимаете, что обучение любого солдата стоит денег. Но хотя бы прикидывали, сколько стоит выучить, скажем, сержанта? Я сам пытался, но бросил на середине: терпения не хватило. Смотрите. Несколько лет вас кормят, поят, снабжают всем, начиная от зубного порошка и кончая папиросами. Платят вам жалованье. Платят жалованье командирам, которые вас обучают. Амуниция, оружие, патроны, гранаты. А сколько стоит построить казарму? А полосу препятствий, хотя бы такую лёгкую, как у нас? А тяжёлое вооружение?

Вы представляете себе порядок цифр хотя бы? Если вин-

товка СВТ-40, которая станет вашим основным оружием, стоит восемьсот восемьдесят рублей, то 76-миллиметровая Ф-22 стоит уже четырнадцать тысяч. Танк стоит несколько сотен тысяч рублей. Про бомбардировщики сказать? Или и так всё понятно? Отсюда вывод: Родина нас обучает и одевает не для того, чтобы мы в казарме штаны протирали. Так что все будут пахать как стахановцы. Это я вам обещаю!

Иван переглянулся с Егором. Обещание пахать по-стахановски их не напугало, десятикилометровый марш-бросок в качестве утренней разминки лучше всего характеризовал здешние порядки. Услышанное им только подтверждало правильность сделанных ранее предположений.

– Братуха, на фига нам танк-то?

– Курсант! Хотите спросить – спросите у меня, не отвлекайте соседа.

– Егор Вялков, пятое отделение! Товарищ командир, а танк тоже нужен для нашего обучения?

– Понимаешь, какое дело, Егор, – вкрадчиво начал Командир, – выяснили мы, что танком очень хорошо проверять, насколько качественно курсанты окопы роют. Даём мы тебе, скажем, два часа, учитывая зимний период, а потом танк по окопу проезжает, и если отрыто некачественно, это сразу видно.

Глядя на охреневшего курсанта, Командир не выдержал и рассмеялся, запустив цепную реакцию в зале.

– Зря смеётесь, товарищи, – насладившись вдруг насту-

пившей тишиной, продолжил он. – Обкатку танками все пройдёте, а кроме этого научитесь ещё массе полезных вещей: выводить танк из строя, определять марку по силуэту, да и просто не паниковать при виде брони. Прокатитесь и снаружи, и внутри. Будете знать, как танкист видит поле боя, где у него мёртвые зоны. В общем, вас ждёт масса интересных и увлекательных открытий.

Отсмеялись? Теперь я вам приведу кое-какие данные. С тридцать седьмого года до середины тридцать девятого численность армии увеличилась с полутора миллионов до двух. Потом Германия нападает на Польшу – и у нас скачок до пяти миллионов. После Польской кампании численность падает, но ниже трёх миллионов не опускается. Сейчас численность армии порядка четырёх – четырёх с половиной миллионов, и к середине года планируется довести её до пяти миллионов. Кто-то хочет спросить или высказаться, товарищи?

Курсанты молчали. На этот раз командир не торопил, давая переварить полученную информацию.

В принципе, ничего нового Иван не узнал. Обучение солдат стоит денег, армия год от года увеличивается – это известно каждому. Но вот если смотреть на ситуацию, как её подаёт Командир, что же выходит? Содержание армии обходится очень дорого, но СССР пошёл на почти трёхкратное увеличение вооружённых сил. А учитывая кадровые дивизии, численность которых при мобилизации увеличится минимум вдвое... То есть партия и правительство считает

необходимым иметь шести-семимиллионную армию? Если это не подготовка к большой войне, то что?

Иван поднял руку и, дождавшись кивка, глухим, чужим голосом спросил:

– Иван Жуков, 64-я стрелковая дивизия. Значит, летом война с Германией? Да, товарищ командир?

– Хороший вопрос, Иван. Отвечу так: лично я считаю – да! Будет! Есть другое мнение: Германия на СССР до разгрома Англии не нападёт. Его придерживаются многие руководящие товарищи. Чуть позже постараюсь объяснить, почему считаю это мнение ошибочным. Садись, товарищ Жуков. Хорошо, если я ошибаюсь, тогда у нас минимум полтора года. А вот если прав, то намного меньше. Тут вы можете мне сказать: «Ну, война с Германией – ничего страшного, немецкий пролетариат сам повернёт оружие против фашизма, и война закончится малой кровью на чужой территории». Так, товарищи?

Курсанты согласно закивали: кто ж устоит против такой силищи-то, да если ещё немецкие рабочие помогут? Хотя в голову кивающего вместе со всеми Ивана забрался червячок сомнения. Дураков-то наверху нет. И нарком товарищ Тимошенко, и Семён Михайлович Будённый, да и сам товарищ Сталин понимают всяко больше Ивана, и армию они не сокращают, а увеличивают. Как-то не вяжется шестимиллионная армия с лёгким походом вроде польского.

– Нет, товарищи! Неверно! Немецкий пролетариат, как и

любой другой, за нас воевать не станет. И война не будет лёгкой прогулкой по чужим территориям. Вы, товарищи, не просто курсанты! Вы хоть и младшие, но командиры Красной армии, большинство – с боевым опытом. Комсомольцы и коммунисты! И должны чётко понимать: эти лозунги, звучащие с высоких трибун, – для мирного населения. Нельзя нормально работать в постоянной тревоге! В шахте или на стройке, в море или у классной доски невозможно постоянно ждать большой войны. Эти лозунги для всех, но не для нас!

Как сказал товарищ Ворошилов на Восемнадцатом съезде ВКП(б) 13 марта 1939 года: «Мировая буржуазия ищет выхода из тупика неразрешимых противоречий в озверелом фашизме, предоставляя ему полную свободу действий. Она поощряет его на военные авантюры, подталкивает на борьбу с Советским Союзом». Также Климент Ефремович особо отметил: «Современные войны, как об этом красноречиво свидетельствует Вторая империалистическая война, будут длительными, затяжными, разорительными».

Я ещё раз повторю: огромные траты на армию оправданы только в том случае, если армия костями ляжет, но врага разобьёт. А если нет?! Если армия надеется на чью-то помощь, то на кой нам такая армия?! Тогда лучше отдавать эти деньги немецкому пролетариату. Командиры, повторяющие эти лозунги, или глупцы, или ещё хуже – подлецы, прикрывающие свою лень! Не желающие или не умеющие вести постоянную боевую учёбу!

Разумеется, возникают вопросы. Почему товарищ командир так категоричен в вопросе солидарности? Почему так уверен, что прав именно он? Чтобы ответить на них, нам с вами придётся пробежаться по истории Европы, точнее, по истории её колониальных завоеваний. Проследим, так сказать, истоки современной политической ситуации. Кто чем дышит и кто что хочет. Ну и рассмотрим непосредственно изменения, произошедшие в самой Германии с момента окончания Мировой войны по настоящее время. А также изменения, произошедшие во взаимоотношениях с другими европейскими странами. Приступим, товарищи. Дмитрий, прошу первый слайд.

«Всё-таки кино», – решил Иван, глядя из тёмного зала на засветившийся экран. В принципе, он не против ещё раз про Александра Невского посмотреть. Или это будет какой-то совсем новый исторический фильм? Или не кино? На экране застыла... Карта?..

– Итак, перед нами карта Европы, упрощённая, конечно, но для нашего разговора хватит. Все понимают, что на экране? Карту-то все читать могут, надеюсь? Если что непонятно – спрашивайте. Постараюсь объяснять подробно и просто.

Командир взял трость, раздался щелчок стопора, и вот уже указка со стальным двадцатисантиметровым жалом застыла в миллиметрах от центра экрана.

– Европа. Англия, Франция, Голландия, Испания, Португалия, Германия. – Тонкое жало трости поочередно обводи-

ло контуры называемых государств. – Не правда ли, знакомые всё лица? А теперь, Дмитрий, второй слайд, пожалуйста. Теперь перед нами карта мира.

Указка заскользила по экрану, очерчивая океаны и отмечая столицы.

– Вот, товарищи, на самом верху Ледовитый океан, а сразу под ним – это всё СССР. Вот где-то здесь Владивосток, а вот тут Москва, чуть выше Ленинград. Где-то здесь Берлин, далее Париж. Вот Лондон в устье Темзы. А вот здесь, на другом конце мира, будет американский город Нью-Йорк, но в шестнадцатом веке его ещё нет.

А этот квадрат – вся западная Европа, то, что мы видели на первом слайде. Вот Испания, а вот совсем маленькое пятно – Португалия. А теперь, товарищи курсанты, смотрите сюда. – Указка заскользила, обводя очертания обеих Америк и Африки. – Всё, что красного цвета – колонии Испании, жёлтого – Португалии. Так, просим Дмитрия показать следующий слайд.

Прошло сто лет, и что мы теперь видим? Появились новые цвета. Синий цвет – Англия. Видите, отвоевала у Испании восточное побережье Северной Америки и пошла в глубь континента. Множество владений в Карибском бассейне. Также Британия начинает захват юга Индии. Зелёный цвет – Франция. Практически вся территория современной Канады, а также владения в Карибском бассейне. Оранжевый – Голландия, владения в Западной Африке, Индии, во-

сточный берег Южной Америки. Ну и все страны имели владения в Африке, на Ближнем Востоке и в Тихоокеанском регионе. Перечислять всё, да сколько раз из рук в руки переходило, дня не хватит.

Иван, продолжая внимательно слушать, не мог отделаться от мысли, что он волшебным образом перенёсся в другое место. Вот утром было тяжело, отделение изматерилось, перетаскивая этот грёбанный пулемёт через двухметровый забор. Но всё было понятно и привычно – армия. Жуков и сам гонял новобранцев до седьмого пота, чтоб меньше дури в голову лезло.

Но сейчас он точно в армии? В той самой части, где за подрыв себя гранатой отчисление, а качество вырытого окопа проверяют танком? Очень сомнительно. Скорее это похоже на класс, где студентам читают лекции мудрые преподаватели. Если, конечно, где-то существуют такие классы с удобными креслами, подготовленные к просмотру удивительных слайдов, а преподаватели используют в качестве указки трость с трёхгранным стальным жалом. Впрочем, об этом он подумает завтра, а сейчас, похоже, будет самое интересное.

– Вот, товарищи курсанты, добрались мы до тысяча девятьсот четырнадцатого года. Давайте посмотрим, кто что успел к этому времени прибрать к рукам. И конечно же, начнём мы с Британии. Как вы видите, синий цвет у нас разлит практически по всей карте: Канада, Австралия, Индия,

значительная часть Африки, Карибы, территории на Ближнем Востоке, в Тихоокеанском регионе, острова Центральной Америки.

Далее Франция. Значительные территории в Африке, остров Мадагаскар, территории в Юго-Восточной Азии. Голландцы сохранили за собой Индонезию, Испания и Португалия – небольшие территории в Африке. И вот наконец-то появляется чёрный цвет – Германия. Она относительно недавно объединилась в одно государство и, как видите, успела к четырнадцатому году приобрести некоторые территории в Африке и немного в Тихом океане.

На этом месте от истории на время отойдём и вместе проанализируем полученную информацию. А Дмитрий включит свет, чтобы я мог вас видеть. Вижу, товарищи курсанты, у вас есть вопросы. Аркадий?

– Товарищ командир, выходит, империалистическая война была из-за права владения колониями?

– Верно, очередной передел мира. Все последние пятьсот лет за колонии шли непрерывные войны между европейскими державами. Первыми были Португалия и Испания, их вытеснили Франция и Голландия, которых затем значительно потеснила Великобритания. И вот появился новый игрок – Германия. Мощная промышленность не могла на равных конкурировать с Англией без дешёвого колониального сырья, и Германия потребовала свою долю пирога. Но, как вы знаете, Германия проиграла и должна была стать второсте-

пенной европейской страной типа Испании или Польши.

Фишман, ты что стоишь? Орден ждёшь? Спросил – сел. Дай другим вопрос задать.

Командир жестом велел Аркадию садиться, а затем сделал выпад тростью в сторону Писаря, уже давно тянувшего руку.

– Излагай, курсант.

– Остап Нэтрэба, восьмое отделение. Товарищ командир, а можно два вопроса?

– Ну, давай два. Хотя дай угадаю. Один вопрос: «Почему Германия сейчас одна из самых влиятельных стран Европы, хотя по логике должна быть европейской провинцией?» Так?

– Так.

– Ну, а второй?

– Второй: а какие колонии были у нас, ну то есть у царской России? Или она за колонии не воевала?

– Правильные вопросы, курсант, своевременные и, как ни странно, взаимосвязанные. Про русские колонии я не рассказал по той простой причине, что их как таковых не было. А вот воевала Россия много, только в основном не за колонии, а чтоб самой не стать колонией. Давайте-ка я вам попростому обрисую отношения России и Европы в последние пятьсот лет. Тогда и про Германию сами мне ответите.

Итак, представьте! Большая деревня. На одном краю живёт род Англичанина, рядом Француза, Испанца, Португальца, ближе к середине – Бельгийца, Голландца, Немца. Конечно, есть другие двory: Поляка, Румына и так далее. А

с другого края живёт Русский. Как в любой деревне, конечно, разное бывает: то Англичанин с Французом схватятся, то ещё кто. У Немца вообще братья друг друга лупят: решить не могут, кто главный.

А в какой-то момент Испанец и Португалец не захотели больше землю обрабатывать и вышли на большую дорогу. В мехах стали ходить, на золоте есть. Глядя на них, и другие тем же занялись. А Русский знай себе продолжает пахать, да год от года целину прирезает. Ну и недостаток появился, конечно.

А чужое добро, сами знаете – татам как серпом по яйцам. В одиночку каждый ходил да еле ноги уносил от Русского. А потом всё больше ватагой пытались. Вот Француз в тысяча восемьсот двенадцатом году, считай, всю деревню привёл. Привёл и отхватил, по-русски говоря, по самые помидоры. – Командир показал интернациональный жест с согнутой в локте рукой.

На миг повисла пауза: не избалованные высокоинтеллектуальным юмором солдаты осмысливали услышанное. А затем зал грохнул. Курсанты топали ногами, сгибаясь пополам, и били ладонями по подлокотникам. Старались остановить и вновь заходились смехом.

– Всё, хорош ржать, жеребцы стоялые. Вернёмся в нашу деревню и посмотрим, как у её жителей дела перед тысяча девятьсот четырнадцатым годом. Сразу скажу вам, что доходы бандитов сильно упали. Кого только могли, они уже

ограбили и поработили. Весь мир поделён. Разграблено и частично уничтожено культурное наследие Индии, Китая, государств Центральной Америки, Ближнего Востока. Золото, серебро, рабы, пряности уже потоком не текут к ним в тёмные кладовые. Сейчас главные источники доходов – это сырьё и практически бесплатная рабочая сила.

Итак, смотрим. Вот богатый бандит Француз, вот промотавшие своё состояние Испанец и Португалец. Мелкие голворезы Голландец, Бельгиец, Итальянец. А это Англичанин. Учитывая, сколько золота и драгоценностей награбили европейцы, можно сказать, глава Братства кровавого кольца. В центре у нас Поляк, Швед, Турок, эти постоянно лезут к Русскому, постоянно отхватывают и снова лезут: то ли такие жадные, то ли такие тупые.

А Русский добрый. Но дурак, сто раз их прощал. Вот и сейчас: появился Немец, требует свою долю, так пообещали дурачку в своё братство его взять, наплели что-то про монарший долг, союзнические обязательства, толерантность. Русский и пошёл Немца бить вместе со всеми. Спрашивается: зачем? Пусть бы бандиты перебили друг друга. Но, товарищи курсанты, передел мира не состоялся, Германия проиграла. В восемнадцатом году в мире остались только две страны, которые могли бы удовлетворить колониальные аппетиты европейцев, и в первую очередь германцев. Это США и РСФСР.

И когда мы, товарищи, взяли власть в свои руки, к зависти

и страху буржуев прибавилась ненависть. Они поняли, что теперь всё: или они нас, или мы их. И набросились всей сворой! И не только Европа. То, что мы называем интервенцией, было ещё одной мировой империалистической войной. Первая война объединённых сил империализма против коммунизма! И наше молодое, ослабленное государство доказало всем преимущество коммунистического строя, вышвырнув захватчиков со своей территории.

Так уж получается, товарищи, что большинство сидящих тут – дети гражданской войны. И сейчас напомним вам, какие именно страны под прикрытием помощи белогвардейцам пришли нас грабить. Дмитрий, следующий слайд, пожалуйста. Перед вами карта СССР. Рассказывать подробно обо всех перемещениях оккупантов, об их грызне между собой, о том, кто из беляков какие наши территории кому обещал за помощь, не буду. Очень долго. Только вкратце перечислю, какие страны что успели захватить, пока их не выкинули.

Германия и Австро-Венгрия оккупировали Украину, Белоруссию, Крым, Прибалтику. Турки – Грузию, Армению. Румыны – Бессарабию. Финны – Карелию. Японцы высадились во Владивостоке, грабили Сибирь и Дальний Восток. Чехословацкий корпус захватил Владивосток, по сути, начав открытую интервенцию. Англия притащила с собой войска своих марионеток – Канады, Индии, Австралии. Вместе оккупировали Русский Север, высадившись в Архангельске и Мурманске. Также разграбили Закавказье, юг Украины,

Крым, Сталинград, бывший Царицын. США также высадились в Мурманске и Архангельске, оккупировали обширные участки Транссиба. Франция – Архангельск, Одесса, Херсон, Сибирь. Отличились тем, что привезли отряды из колоний.

Я не поленился и записал в блокнот номера частей, которые французы привезли к нам. Вот послушайте: 4-й африканский конно-егерский полк, 21-й полк туземных стрелков, 10-й полк алжирских стрелков, 1-й маршевый индокитайский батальон, 129-й батальон сенегальских стрелков.

Идём далее. Италия – Сибирь, в частности Иркутск и Красноярск. Греция – её части находились в Одессе. Польша – обширные территории Белоруссии, Украины, Литвы. В этой связи хочется напомнить, товарищи курсанты, что десятого декабря тысяча девятьсот семнадцатого года декретом Совнаркома была признана независимость Польши. А уже двадцать первого февраля тысяча девятьсот восемнадцатого 1-й Польский корпус под командованием Довбор-Мусницкого занял Минск и по соглашению с австро-германским командованием вошёл в состав оккупационных войск. Вот такая солидарность по-польски.

Впрочем, солидарность по-английски, когда грабишь и истязашь женщин и детей своего недавнего союзника, несколько не лучше. Изюминка солидарности по-американски – обливать человека водой на морозе, пока он не превратится в кусок льда. Немцы, вывозившие с оккупированных тер-

риторий продовольствие подчистую, обрекая население на голод, также наплевали на все договорённости с Советами.

Короче, товарищи курсанты, времени рассказывать обо всех зверствах оккупантов, которые они творили на нашей земле, нет. Одно хочу сказать: вели они себя точно так же, как привыкли вести себя по всему миру. Русские для них – такие же животные, как аборигены Австралии или американские индейцы. Знаю, что практически у каждого из вас родственники пострадали в гражданскую, от интервентов ли, от белых ли – не так важно.

Если у кого-то будет интерес и хватит духу, у нас в библиотеке есть книга «Интервенция на Советском Севере. 1918–1920 гг.» – книга, можно сказать, новая, тридцать девятого года издания. Есть также подборка документов и публикаций в печати. Если будет желание, думаю, найдём время вас подробнее ознакомить с этими материалами. А теперь, может быть, курсант Нэтрэба сам ответит на свой вопрос? Почему Германия не стала второстепенной европейской страной?

Писарь, как и все, немного обалдевший от вороха свалившейся на него информации, неуверенно ответил:

– Товарищ командир, выходит, Англия и Франция готовили Германию к войне с СССР? Только ведь не сходится тогда: Германия с Англией воюет, а с нами вроде как дружба?

– Правильно, готовили. Последний шанс у буржуев остался. Темпы нашего роста во всех отраслях показывают: ещё

пять-десять лет – и мы будем им не по зубам. Вот и планировали они использовать Германию в качестве тарана. Только как пауки в банке не могут договориться, так и эти готовы сожрать друг друга при любой возможности.

А хотите, товарищи, попробуем предположить, какие страны на что надеялись в середине двадцатых, когда начали поддерживать немецких фашистов? Никто не возражает? Тогда опять по порядку, и ненадолго вернёмся в нашу деревню. Итак, представьте, на противоположном от Европы берегу озера есть деревня Америка, населяют её индейцы: ирокезы, чероки и другие чингачгуки. Кроме того, что европейцы их постоянно грабили, сюда же по разным причинам перебрались самые отморозенные отпрыски бандюков со всей Европы.

Терпеть порядки Англичанина им очень быстро надоело, и они, хорошенько его отметелив, стали жить самостоятельно. И даже переплюнули в жестокости своих предков, планомерно уничтожая коренных жителей Северной Америки. Теперь на месте домов Ирокеза, Чероки, Лакота и других индейцев одно огромное хозяйство Американца. Знакомьтесь – Соединённые Штаты Америки, или, как у нас принято говорить, Североамериканские Соединённые Штаты.

Вот с США и начнём. Итак. На что они рассчитывали? Какая им польза от сильной Германии? Причём, заметьте, Германии, как и раньше, требуются колонии. Но теперь добавилась необходимость реванша за позорный Версальский мир-

ный договор, к которому её принудили Англия и Франция.

Удивитесь вы или нет, но для США, оказывается, выгодно как война Германии с СССР, так и война Германии с Англией и её союзниками. Один вариант – Германия разбивает войска СССР. Тут выгода очевидна: первое в мире государство рабочих и крестьян перестаёт существовать, да плюс США захватывает обширные владения на Дальнем Востоке и в Сибири. Возможно, будет договор с Японией. Например, всё, что севернее Амура, отходит к США, что южнее – к Японии.

Второй вариант – Германия разбивает силы союзников. Америка в этом случае захватывает многочисленные британские и французские колонии по всему миру. Канада, Африка, Индия, Австралия – всё это переходит под контроль США. Даже без поражения, при существенном ослаблении, Англия потеряет контроль над частью колоний. Его перехватят значительно более сильные в промышленном плане американцы. А самим США при любом раскладе опасаться нечего: отсилятся за океаном, под прикрытием своего мощного флота.

Дальше. На что надеялась и какие выгоды предполагала Англия? При варианте, когда Германия разбивает Красную армию – уничтожение СССР, это раз. Повторение интервенции двадцатых годов – два. Захват стратегических портов, нефтепромыслов в районе Баку, да в принципе всего, до чего руки дотянутся, – три. Но и нападение Германии на Фран-

цию тоже Англию устраивало. В этом случае неизбежно произошло бы ослабление как Германии, так и Франции. И Британия получала контроль над частью африканских колоний Франции. Ну, а в победе англичане не сомневались. Тут были и недооценка вооружённых сил рейха, и предположение, что Польша и СССР, как и в мировую войну, присоединятся к странам Антанты. И русские опять будут проливать кровь за интересы буржуинов.

Следующая у нас Франция. По большому счёту, расчёты те же, что и у британцев. Разобьют немцы большевиков – хорошо, да ещё оккупируем территорию, сколько сможем. На нас же напасть не посмеют, а если нападут, опять навалимся скопом с двух сторон и победим. Нужно отметить, что по Версальскому договору Франция вернула Эльзас и Лотарингию. Взаимное ослабление Германии и СССР также Францию устраивало. Всё же лягушатники немцев побаивались и даже построили линию мощных укреплений на границе, названную линией Мажино.

И наконец, Польша – вишенка на торте. Именно благодаря ей Германия сейчас воюет с Англией. И спрашивается: на что надеялись паны в тридцать девятом, идя на обострение конфликта с Гитлером? А я вам скажу: всё становится ясно, если вспомнить, что шляхтич от природы существо жадное, глупое и спесивое. Немного истории. По Версальскому договору Польша получает выход к морю, создав на бывшей территории Германии Поморское воеводство. Далее, в тридцать

восьмом при разделе Чехословакии она аннексирует Тешинскую область.

И так ей понравилось территориями прирастать, что паны придумали «хитрый» план – не пущать немцев на свою территорию. Тогда Гитлеру за выход к границам с СССР придётся воевать со Словакией и Румынией. Ну а уж там умные поляки не оплошают, прирежут себе землицы-то. А чего бояться? Вооружённые силы Польши и сами сопоставимы с вермахтом. Да и не одни они, Франция и Англия помогут, договор о взаимной обороне у них есть. Вот и видели паны в своих сладких снах Речь Посполитую от можа до можа. А Гитлер взял и вместо того, чтобы договариваться, за семнадцать дней поставил Великую Польшу в коленно-локтевую позу да отодрал без вазелина.

Так что, товарищи курсанты, растила Европа немецкую овчарку, чтоб на СССР натравить, и не заметила, как вырастила волка. А поляки этого волка дёрнули за хвост, развернув пастью на запад. С чем мы их и поздравляем. Но если для захвата Америки или Австралии европейцам никакие законы были не нужны, то сейчас, готовясь к войне с СССР, Гитлер официально объявил славян недочеловеками. Понятно теперь, что Германия хочет? Реванша и колоний она хочет, а не солидарности. Про немецких коммунистов вы и сами знаете, товарищи. А Чехословакия, Польша, Африка или СССР – империалистам всё едино.

Ну что, товарищи курсанты, с немецкой солидарностью

мы разобрались. Теперь предлагаю разобраться с немецким государством в целом. Посмотрим, как из кастрированной в восемнадцатом году немецкой шавки оно к сорок первому стало матёрым волком. Попробуем оценить по следующим параметрам: территория, население, промышленность, вооружённые силы. Итак, смотрим, что потеряла Германия по Версальскому мирному договору. Если вы внимательно слушали меня, то уже знаете, что как минимум два государства получили немецкие земли. Это Франция и Польша. Кроме них германскими территориями приросли Дания, Бельгия, Литва и Чехословакия.

В целом Германия потеряла тринадцать с половиной процентов территории и все свои колонии. Эти потери лишали Германию десяти процентов её производственных мощностей, двадцати процентов объёмов добычи каменного угля, семидесяти пяти процентов запасов железной руды и двадцати шести процентов выплавки чугуна.

Версальский договор практически разоружал Германию. Её армия не должна была превышать сто тысяч, а флот – шестнадцать тысяч человек. Германии запрещалось иметь самолеты, дирижабли, танки, подводные лодки и суда водоизмещением более десяти тысяч тонн. Её флот мог включать шесть лёгких броненосцев, шесть лёгких крейсеров, а также по двенадцать эсминцев и торпедных катеров. Кроме этого у Германии забрали весь её флот, как военный, так и торговый, около тысячи паровозов и более двухсот тысяч ваго-

нов. Также на Германию была наложена репарация в размере двухсот миллиардов золотых марок, что соответствовало – только вдумайтесь в цифры! – семьдесят одной тысяче тонн золота.

Разумеется, Германия не смогла выполнить такие обязательства. И в начале тысяча девятьсот двадцать третьего года Франция оккупирует Рурскую область. Оккупация Рура лишила Германию ещё семи процентов территории с населением в три миллиона человек, семидесяти процентов добычи каменного угля, пятидесяти четырёх процентов выплавки чугуна и пятидесяти трёх процентов стали. К концу года страна была на грани развала и анархии, гиперинфляция привела к тому, что отапливать помещения стало дешевле банкнотами, чем углём. Буханка хлеба стоила более трёхсот миллиардов марок.

Чередой выборов, перевыборов и отставок правительства, постоянные забастовки и волнения среди рабочих поставили Веймарскую республику в конце двадцать третьего года на грань не только экономического, но и политического краха. Почему я так подробно перечисляю? Чтобы стало ясно: Франция, проводившая последовательную политику по расчленению единой Германии, к концу двадцать третьего года добилась своего. Без помощи извне Германия неизбежно скатывалась в пропасть анархии и распадалась на отдельные земли.

Но, товарищи, это противоречило интересам Британии и

США. Им нужна была единая Германия, и не только как противовес Франции. Почему именно в конце двадцать третьего года они «прозрели» и вынудили Францию вывести войска из Рура? Потому что к двадцать третьему году уже стало ясно: большевики выиграли гражданскую войну. Если Британию больше заботило усиление Франции, то у США были более далеко идущие планы. В обмен на стабилизацию обстановки в Германии американцы, по сути, получили право скупать немецкую промышленность, чем они с успехом и занялись. А уже с середины двадцатых годов США по непроверенным данным стали поддерживать фашистов.

В начале тысяча девятьсот тридцать второго года германское правительство заявило, что оно прекращает репарационные платежи. В это самое время начинается захват власти фашистами во главе с Гитлером. Уже летом тридцать четвертого года Гитлер становится единоличным диктатором Германии. Менее чем через год стотысячный рейхсвер заменяется на миллионный вермахт, создаются танковые войска и восстанавливаются военно-воздушные силы. Отменяется демилитаризация Рейнской зоны. Фашистская Германия начинает оправдывать надежды, возложенные на неё мировым империализмом.

С тысяча девятьсот тридцать шестого года Германия активно участвует в гражданской войне в Испании против народного правительства. По некоторым данным, на стороне Франко воевали до пятидесяти тысяч немецких солдат.

Также немцы поставляли франкистам самолёты, танки, артиллерию, различное вооружение и средства связи.

Весной тридцать восьмого под одобрительное молчание Запада аннексируется Австрия. Территория Германии увеличивается на семнадцать процентов, население – на десять процентов. Разумеется, в распоряжении Гитлера оказываются промышленность и полезные ископаемые Австрии. Относительно небольшие вооружённые силы вошли в состав вермахта, образовав, в частности, три горно-стрелковые дивизии.

Осенью всё того же тридцать восьмого года, но уже при непосредственной и весьма энергичной дипломатической поддержке США, Британии и Франции, Германия аннексировала Судетскую область Чехословакии. В марте тридцать девятого оккупирована оставшаяся часть Чехии, также аннексирована часть территории Литвы, включающая город Клайпеду. Сдавшаяся без боя Чехия стала настоящей оружейной мастерской для Третьего рейха. В частности, на вооружение германской армии поступили сотни чешских броневых автомобилей, танкеток и лёгких танков. А также стрелковое оружие, автотранспорт, орудия и миномёты.

Так, смотрим очередной слайд. Вот, товарищи, Германия перед нападением на Польшу. Как мы видим, территория сопоставима по размерам как с Польшей, так и с Францией. Последняя ещё считает, что крепко держит немецкую овчарку на поводке.

Иван, и до этого слушавший внимательно, вообще перестал дышать. Польша. Мало того, что очень интересно, так ведь это вам не древняя история про индейцев и даже не Версальский договор двадцатилетней давности. Западную Украину и Белоруссию освободили практически вчера, даже среди них есть те, кто принимал в этом участие. И, если верить Командиру, год-два – и двинемся дальше, освобождая европейский пролетариат от оков капитализма. Тихонечко осмотревшись, Иван убедился, что даже непоседливый Братуха слушает чуть ли не с открытым ртом.

– ...И у них были на то основания. По нашим данным, если Германия к первому сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года развернула на востоке порядка сорока пехотных и десяти механизированных дивизий, то Польша предполагала развернуть также порядка сорока пехотных дивизий, одиннадцать кавдивизий плюс несколько моторизованных бригад. По итогам мобилизации численность польской армии должна была составить один миллион пятьсот тысяч человек.

Но использование современной тактики и подавляющее превосходство в танках и авиации позволили вермахту за семнадцать дней разбить вооружённые силы Польши. На осень тридцать девятого года люфтваффе состояла из четырёх тысяч самолётов. Танков было около трёх тысяч. Всего же численность сухопутных сил вермахта оценивалась примерно в три миллиона человек.

Говоря о немецко-польской войне, нельзя обойти вниманием и действия Советского Союза. Благодаря гениальному предвидению товарища Сталина, Красная армия не только освободила западных украинцев и белорусов от двадцатилетнего польского ига, но и не дала гитлеровской Германии захватить исконно русские земли.

Вот, товарищи курсанты, – хищное жало указки заскользило по карте, очерчивая новые границы СССР, – Буг, Сан, граница с Венгрией, с Румынией. Даже на глазок видно, что территория Западной Украины и Западной Белоруссии, оккупированная Польшей, составляла чуть ли не половину польского государства. Красная армия под руководством Коммунистической партии освободила территорию в сто девяносто шесть тысяч квадратных километров, на которой проживало тринадцать миллионов человек.

Теперь давайте посмотрим, что получила Германия. Она не только вернула земли, отошедшие Польше после мировой войны, но и присоединила территорию Западной Польши. Это, товарищи, если считать вместе, примерно двести тысяч квадратных километров, на которых проживало более двадцати миллионов человек. Нужно ли говорить, что вся польская промышленность перешла на обслуживание интересов военной машины Германии? Также педантичные немцы приняли на вооружение большое количество самого разнообразного польского оружия, начиная от бронепоездов и заканчивая минными тральщиками.

В какой-то момент Иван понял, что чувство лёгкой эйфории, в которой он пребывал последнее время, исчезло, уступив место лёгкому дискомфорту. По мере того, как мозг анализировал полученную информацию, Иван всё сильнее испытывал неосознанное чувство тревоги. Утверждение командира о том, что лёгкой война не будет, наполнялось конкретным смыслом. Бравые победные лозунги оказались вытеснены информацией о противнике – а он уже не рассматривал Германию иначе.

Факты, услышанные здесь Иваном, новостью не являлись, но собранные воедино, они зазвучали в совсем другом, грозном тоне. Видеть на слайдах, как чернота всё больше растекается по Европе, было неприятно. Германия, поглотив Польшу, и не думала останавливаться. Франция, Бельгия, Голландия. Малой кровью на чужой территории – немцы воевали именно так, но от этого становилось ещё тревожнее. Норвегия, Дания. Слайд сменялся слайдом, и казалось, страны Европы закончатся быстрее, чем Германия утолит свой территориальный голод.

– Ну, что, товарищи курсанты, не устали? Может, кто хочет ноги размять? Нет желающих? Тогда подведём итоги. К концу тысяча девятьсот двадцать третьего года Германия занимала территорию в четыреста семьдесят тысяч квадратных километров с населением около шестидесяти миллионов человек. Экономика, промышленность, финансовая система – всё лежало в руинах. Безработица, забастовки, ги-

перинфляция. Стотысячная армия без тяжёлого вооружения годилась для полицейских функций, но никак не для обороны страны.

А теперь смотрим, что Германия имеет сейчас. Перед вами страны Европы на начало этого года. Давайте рассмотрим вот эту тёмную кляксу, занимающую практически всю левую часть карты. Вот чёрное ядро в середине – территория Германии на двадцать третий год, тёмно-синие – территории, присоединённые к Германии на настоящий момент. Серый цвет – Франция, Норвегия, Голландия, Дания, немецкие марионетки, где правительство выполняет лишь декоративные функции. Коричневым обозначены союзники Германии – Италия, Финляндия, Румыния, Словакия, Венгрия, Болгария.

Общая площадь перечисленных государств составляет более двух миллионов квадратных километров. Я не удивлюсь, если уже в этом году фашисты захватят Югославию и Грецию. Но пока этого не произошло, мы их не учитываем. Население: собственно Германия – девяносто миллионов, сателлиты – ещё шестьдесят миллионов и союзники – семьдесят три миллиона. Итого двести двадцать три миллиона человек. Много это или мало? Для сравнения, население СССР сейчас порядка ста шестидесяти семи миллионов. Перечислять все фабрики, заводы, рудники не буду, и так понятно, что в случае большой войны вся промышленность будет работать на вермахт.

Давайте попробуем хотя бы приблизительно оценить военную мощь Германии и её союзников. Точных цифр мы, конечно, не знаем, но постараемся отследить тенденции, происходящие в вермахте последние годы. Смотрим. Против Польши Германия выставила сорок пехотных дивизий, против Франции – уже порядка ста сорока. По оценкам Генштаба, до конца года число пехотных дивизий вермахта увеличится до двухсот пятидесяти – двухсот восьмидесяти. Против нас они смогут выставить сто пятьдесят – сто восемьдесят дивизий, плюс примерно двадцать дивизий дадут союзники.

То есть в случае войны Красной армии будут противостоять – ну возьмём среднее значение – сто восемьдесят пять дивизий. Сто! Восемьдесят! Пять! Полнокровных немецких дивизий, имеющих двухгодичный опыт победоносной войны. Есть, товарищи, и среди нас бойцы с таким опытом, в частности, финским. Вот давайте их и спросим, что они думают о перспективах войны с таким противником. Например, старший сержант Арсений Архипов. Воевал на Карельском перешейке, награждён орденом Красной Звезды, имеет ранение. Давайте попросим встать товарища Архипова.

Из центра зала поднялся рослый светло-русый немного растерянный парень.

– Архипов Арсений Семёнович, старшина 3-го отделения. В финскую воевал в разведроте 49-й стрелковой Краснознамённой дивизии.

– Слушай, Арсений, вводную. Германия и её союзники на восточном театре боевых действий. Сто восемьдесят пять дивизий, численность личного состава порядка трёх – трёх с половиной миллионов человек. Современная авиация и бронетехника. Также учти, вермахт очень мобилен: порядка шестисот тысяч единиц автотранспорта. Практически каждый десятый немецкий солдат – водитель. Множество инженерно-сапёрных и штурмовых частей.

Территория Восточной Пруссии имеет плотную каменную застройку и сеть ирригационных каналов, что затрудняет наступательные действия. На территории противника имеются как горные массивы – Альпы, так и крупные реки – Висла, Одер, Дунай, Эльба. Силы СССР – предположительно до двухсот стрелковых дивизий общей численностью в четыре-пять миллионов человек. Превосходство в танках и авиации, но, пожалуй, более слабый флот и худшее обеспечение войск автотранспортом. Вот, Арсений, как думаешь, получится быстро и малой кровью или придётся повозиться?

– Так... Это... Быстро не выйдет. Думаю, товарищ Командир... С финнами-то, почитай, полгода бодались... Это... Год?

– Ты меня спрашиваешь? Это не таблица умножения, я правильный ответ не знаю. Но согласен, что год – это минимум, а то и на все два застрянем в Европе.

Иван окончательно запутался в своих эмоциях. И решив для себя: «Войне быть», перестал переживать. Мысли его

приняли другое, более приятное направление. Сержант Жуков задумался о наградах, которые, несомненно, получит такой brave солдат, как он. Будет не стыдно и деду, георгиевскому кавалеру, отчёт дать. Да и в клуб зайти, сверкая орденами, – милое дело. М-да, милое дело, с орденами он быстро справится: какая девка устоит-то.

Вот чем его наградят, Иван ещё не решил. Звёздочки? Или сразу два Знамени? Пожалуй, два Знамени – это он хватил. Из тех командиров, которых он знает лично, два ордена Красного Знамени есть только у комполка, прошедшего Испанию. Даже у комдива был один орден. А здесь у уставного капитана. «Одно Знамя и одна Звёздочка – вот, пожалуй, будет в самый раз», – решил Иван.

От капитана мысли плавно перетекли к Командиру. Кто он? В каком звании? Какие имеет награды? Молодой, значительно меньше тридцати, хотя и выглядит старше. Хорошая физическая форма и стальная воля. Что ещё? Воевал в финскую, отморозил пальцы, но остался в строю. Звание... Майор? Полковник?.. По должности, скорее, второе, а по годам – первое, поди разбери. Награды? Ну, наград, наверно, не меньше, чем у капитана будет, или больше.

Впрочем, какая разница. Главным в Командире было другое. Командир, если можно так сказать, отличался от всех прошлых командиров Ивана. Вон, например, практически не упоминается Коммунистическая партия и товарищ Сталин и их главенствующая роль в победе...

Иван задумался. Роль товарища Сталина в колониальных захватах Португалии или, например, в оккупации французами Рурской области как бы неочевидна. И вообще. Комсомолец Жуков резко оборвал свои размышления, решив, что такие мысли не сержантского ума дело, этак они и до троцкизма довести могут. Про безоговорочное преимущество Красной армии под руководством партии Ленина и лично товарища Сталина он же не сам придумал, это слова товарища Ворошилова.

Не думать получалось плохо. Авторитет товарища Ворошилова непререкаем, но и против фактов не попрёшь. Разрозненные факты о Германии, сложившиеся в голове Ивана в цельную картину, просто кричали о сильном противнике. Может быть, понимать Командира следует так, что врага разобьём на его территории, но победа дастся нелегко, и потери будут немалыми? Потом, это же не в тесном кругу сказано, не после стакана настоящего на хрене самогона. Значит, это официальная позиция Генштаба?

Окончательно запутавшись, сержант Жуков смог сделать лишь один вывод: Командир с говорящим позывным Белый Медведь не боится ни бога, ни чёрта, а знает побольше многих со звёздами на петлицах. И сейчас, опять же, если почти все командиры, с которыми пришлось столкнуться сержанту за годы службы, как бы снисходили до младших по званию, общаясь по типу «твоеё дело – приказы исполнять, а думать я буду», то Командир, наоборот, тянул их вверх,

поднимая до своего уровня. Трудно передаваемое словами это ощущение сопричастности и боевого братства, появившееся ещё той незабываемой ночью, крепло, вызывая одно желание – ни при каких обстоятельствах не подвести боевых товарищей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.